

Арина
Арская

БЫВШИЙ МУЖ

ТЫ СНИШЬСЯ МНЕ КАЖДУЮ НОЧЬ

Арина Арская

**БЫВШИЙ муж. Ты снишься
мне каждую ночь**

«Литнет»

2025

Арская А.

Бывший муж. Ты снишься мне каждую ночь / А. Арская —
«Литнет», 2025

— Я разлюбил мою жену, — заявляет мой муж Арсений тихо и с глубоким выдохом, — вот что я понял. Я молчу. Семейный психолог молчит. — И я хочу быть с другой женщиной, — Арсений закрывает глаза. — Вот и вся правда.***Я мужа отпустила, а потом пришлось отпустить и наших детей, которых он увез в другую страну вместе с новой женой. Я не жила, существовала и притворялась, что я сильная. Но он вернулся, и вместе с ним вернулась тоска по нашему прошлому.

Содержание

1	5
2	7
3	10
4	13
5	16
6	18
7	21
8	24
9	27
10	29
11	31
12	33
13	35
14	37
15	39
16	41
17	43
18	45
19	48
20	50
21	52
22	55
23	58
24	60
25	63
26	65
27	67
28	69
29	72
30	74
Конец ознакомительного фрагмента.	75

1

— Я разлюбил мою жену, — заявляет мой муж Арсений тихо и с глубоким выдохом, — вот что я понял.

Сегодня — воскресенье. Сегодня — у нас очередная встреча с семейным психологом.

Я молчу.

Воздух густеет, становится тяжёлым, сладковато-приторным от запаха моих духов и едва уловимой ноты лаванды из аромалампы в углу у окна.

Наш семейный психолог, Ольга Викторовна, тоже молчит.

Она неподвижна, как изваяние.

Лишь идеально выщипанная седая бровь ползёт вверх по высокому, интеллигентному лбу.

Солнечные лучи мягко ложатся на её строгий пучок, выхватывая серебряные нити в тёмных волосах.

Её руки с длинными, тонкими пальцами лежат на коленях серого костюма, без единого намёка на суету.

— И я хочу быть с другой женщиной, — он закрывает глаза.

Его лицо, это красивое, почти жестокое лицо с гордым прямым носом и высокими скулами теперь кажется мне маской незнакомца.

Я слышу слова, но их смысл до меня не доходит. Они разбиваются о какой-то внутренний барьер, рассыпаясь на отдельные осколки-звuky и никак не складываются вместе.

— Вот и вся правда, — хмыкает он и расслабленно откидывается на спинку кресла. Могучие плечи в идеально сидящем пиджаке расправляются. — Я не люблю жену. Вот почему мы здесь. Вот почему каждую неделю она, — он указывает на меня широким жестом руки, — тащит меня сюда... А я соглашаюсь... Потому что... путаю вину с любовью.

Я не могу пошевелиться, не могу вымолвить ни звука. Мои пальцы впились в мягкие подлокотники кресла.

Мой взгляд скользит по его знакомому до каждой чёточки лицу, пытаюсь найти хоть намёк на ложь, на шутку...

Но его профиль с сильной упрямой линией подбородка сейчас выражает лишь усталое, почти блаженное облегчение.

До этого Арсений сидел мрачный, сжатый, как пружина. Слушал мои слёзы и мои страхи, что я в нашем браке теряю саму себя, что мы начали отдаляться, а сейчас... а сейчас он скинул с себя напряжение и сказал правду.

Он не любит меня.

— Вот что происходит между нами, Поля, — Арсений открывает глаза и всем торсом разворачивается ко мне. Движение резкое, уверенное. — Тебе плохо рядом со мной, потому что я не люблю тебя.

В его глазах нет раскаяния, лишь холодная ясность и осознание происходящего между нами. Ведь я сама только что умоляла его быть со мной честным, рыдала, требовала правды. Вот она. Его честность. Режет по живому.

А я... я умираю.

— Нам нечего чинить, — горько, криво ухмыляется он, обнажая идеально ровные белые зубы. — нечего спасать. Прости меня, Поля, но, похоже, мы разводимся. Мне с тобой мучительно, а тебе рядом со мной невыносимо.

Я всего лишь хотела спасти наш брак.

Вложила в эти сеансы последние надежды, последние силы.

Я думала, что семейный психолог поможет нам найти друг к другу новую тропинку.

Я думала, что психолог поможет нам раскрыться, понять друг друга и вновь вспомнить о том, что мы любим... что дорожим... что у нас впереди еще очень много совместных лет жизни, но...

Арсений не любит меня.

И он это понял в кабинете психолога. Через десять сеансов. В этом самом кресле. Рядом со мной. После моих слов быть честным. после моих слов, что я его обязательно выслушаю и пойму.

Потому что я люблю его.

— Поля, я пытался, — Арсений темного и пристального взгляда не отводит, — я старался. Я сюда ходил ради тебя и я верил, что нам помогут, но зря. Всё, что я здесь понял — это то, что лгать тебе и себе дальше невозможно.

Слёз нет. Они резко высохли после признания мужа, с которым мы прожили четырнадцать лет. С которым родили дочку и сына...

Есть только ледяная пустота в груди. Я даже не слышу стука моего сердца.

Оно, кажется, замерло.

И рядом со мной сидит не мой любимый муж. Кто-то другой. Кто-то чужой, с его лицом и его голосом, произносящий чужие слова.

Я медленно, через силу, перевожу взгляд на нашего семейного психолога Ольгу Викторовну.

Её лицо по-прежнему непроницаемая, спокойная маска профессионала. Она наблюдает. Всегда наблюдает. Её глаза за стёклами очков кажутся увеличенными, бездонными и абсолютно бесстрастными.

Ольга Викторовна складывает бледные, узкие пальцы аккуратным домиком и слегка наклоняется вперёд, её голос по-прежнему ровный, терапевтический, бархатный, без единой эмоциональной шероховатости.

— Вы хотите что-нибудь ответить мужу, Полина? — она смотрит на меня и не моргает. Её неподвижность, её полная отстранённость сейчас пугают больше, чем его откровенность. Похожа на хищного, спокойного варана, замершего в ожидании. — Он сейчас открыл очень непростую правду. Как для вас, так и для себя.

— Что... что мне сказать?

Я сглатываю.

— Что вы чувствуете?

Ольга Викторовна переводит фокус. Заставляет меня говорить. Заставляет признать, что сегодняшний сеанс - конец. Это не ссора, не кризис, это финал.

Глаза все еще сухие.

— Кто она? — я вновь смотрю на мужа, которого сегодня целовала в губы.

Я его целовала, а он терпел, и я чувствовала, что моя отчаянная ласка невзаимная. Что я жалко выпрашиваю у него внимание и любовь.

— Кто она? — повторяю я свой тихий вопрос. — Та, с кем ты хочешь быть. Та, к кому ты уйдешь от меня и детей?

— Только от тебя, но не от детей, — жестко отрезает он. — Только от тебя.

2

— Привет, мам, — мимо проносится мой двенадцатилетний сын Пашка.

По пути скидывает тяжелый рюкзак и кроссовки.

За ним плетется десятилетняя Ариша. Снимает шапку и тяжело вздыхает:

— Я хотела еще на несколько дней остаться у папы.

Сам папа уже поднимается на крыльцо. Короткое полупальто нараспашку, серый свитер с крупной вязкой и высоким горлом, без шапки, волосы небрежно растрепаны.

— Привет, Поля.

Мне уже почти не больно на него смотреть.

Год прошел с той встречи с психологом.

Год прошел с его признания, что он меня не любит.

Год прошел с той правды, что он хочет быть с другой, и эта другая сейчас стоит внизу у крыльца и мило мне улыбается.

Настя.

Старший маркетолог из отдела продаж. Двадцать семь лет. Миловидная блондинка, с большими зелеными глазами и пухлыми сочными губами.

На ней белая песцовая шубка, яркий красный шарф.

Она на фоне сугробов выглядит мило и очаровательно.

— Привет, Поля, — она несмело поднимает руку в приветствии.

Рука обтянута белой перчаткой из тонкой кожи.

Они окончательно сошлись полгода назад, когда Арсений получил на руки свидетельство о расторжении брака и когда все вопросы с разделом имущества были решены.

Когда он окончательно мог назвать себя разведенным.

Теперь Настя официально живет с ним в его новой большой квартире на Проспекте Героев, и пытается быть для моих детей “подругой”.

Я не скандалю.

Я не ропщу.

Я принимаю выбор Арсения.

Я соглашаюсь с тем, что он все еще отец моих детей и что они его любят.

Я не имею права обвинять детей в их желании быть рядом с отцом. Такая вот у моих детей реальность теперь — жизнь на два дома.

Две недели у меня, две недели у отца.

Так мы договорились. Так посоветовал семейный психолог, детский психолог и медиаторы с адвокатами.

Я держусь.

Я всё понимаю. Говорю это себе как мантру. Люди разводятся. Человек может разлюбить и полюбить другую. И Арсений, правда, старался вместе со мной наш брак спасти, но когда нет любви, то ничего и никого не спасешь. У меня не должно быть к нему обиды. И боли. Только тихая, холодная пустота.

— Что ты там стоишь? — Арсений оглядывается на смущенную Настю и протягивает к ней руку. Его движение привычное, владеющее. — Ты же сама хотела присутствовать при разговоре. Испугалась моей бывшей жены?

Он улыбается своей новой улыбкой — лёгкой, беззаботной. И смотрит на неё так, как давно уже не смотрел на меня. Таким взглядом — полным тепла, одобрения и лёгкой снисходительности.

Он действительно влюблен.

Я медленно перевожу взгляд с Насти на Арсения.

— Какой разговор? — мой голос звучит тихо, но чётко, перекрывая весёлый гомон детей, уже унесшихся на кухню.

Арсений перестаёт улыбаться. Его взгляд становится сосредоточенным, деловым. Таким, каким он бывает на важных переговорах и на встречах, которые ему не нравятся, но необходимы.

— Я не хочу говорить с тобой на пороге, — его голос мягкий, но все же строгий, и я понимаю, что мне беседа с Арсением и Настей не понравится.

Настя торопливо поднимается по скользким ступенькам. У порога дома она все же подскользывается, испуганно ойкает и начинает заваливаться назад, но мой бывший муж быстр и ловок.

Он кидается к любимой на помощь с грациозностью хищника. Хватает за запястье, мягко дергает Настю на себя и в следующую секунду сгребает ее в охапку:

— Поймал, — его голос смягчается, становится почти шепотом, предназначенным только для нее.

Он не отпускает ее сразу, поправляя на ней шубку, сметая несуществующую пылинку с ворота. Этот жест, интимный, владеющий, напоминает, как арсений в прошлом стряхивал с моих плеч снег

Я отступаю на шаг вглубь прихожей, пропуская их в свой дом. Мой дом.

Где больше не осталось его вещей.

Где пахнет тушёным мясом с черносливом и свежим печеньем, которое я испекла для Ариши.

Арсений переступает порог, и его присутствие снова, как и всегда, заполняет всё пространство.

Он ведёт Настю за руку, как ребёнка.

— Проходите, — говорю я, и мой голос звучит ровно, почти гостеприимно.

Я отработала это за год. Отработала до автоматизма. Я даже сама себе почти верю.

Он оглядывается вокруг, и я вижу, как его взгляд на секунду задерживается на фотографии в простой деревянной рамке — мы с детьми в позапрошлом году в Сочи, загорелые, счастливые.

Тот отпуск тоже был одним из шагов по спасению нашей семьи. Не сработало, и эта фотография стоит на этажерке как напоминание для меня, что борьба может привести к проигрышу.

— Очень солнечная фотография, — говорит Настя, проследив за взглядом Арсения.

Она снимает перчатки, теребит их пальцами и подходит к Арсению. Кладет голову ему на плечо и вздыхает:

— А сейчас зима... Холодно...

Отрешенно наблюдаю за тем, как Арсений разворачивается к смущенной Насте и помогает ей снять шубку.

Она замечает мой взгляд и мило улыбается:

— У тебя так дома вкусно пахнет.

— Да, я готовила обед к возвращению детей, — говорю спокойно и не показываю свою ревность, — раз вы пришли, то... давайте вместе пообедаем?

Я не покажу Арсению, что мне больно. Что я тоскую. Что я умираю каждый раз при встрече с ним.

— Ой, все выглядит так, будто я напросилась к тебе на обед, — Настя застенчиво смеется.

И только через несколько секунд до меня доходит, что произошло. Зачем я пригласила их на обед?

— Поля, а где уборная? — спрашивает Настя. — А то я сейчас, — понижает голос до шепота, — описаюсь.

3

Арсений протягивает плетёную корзинку с хлебом в сторону Насти. Та аккуратно, кончиками пальцев, подхватывает кусочек ржаного хлеба и тихо благодарит:

— Спасибо, любимый.

Я наблюдаю за ними, и что-то тяжёлое и холодное поворачивается у меня внутри.

Движения Арсения широки и уверенны. Он разливает компот, поправляет салфетку, его руки расслаблены.

Он ведёт себя как хозяин. Как хозяин этого дома, а ведь он ведь больше не живёт здесь.

Он больше не хозяин в этих стенах, он больше не муж мне. Но эти повадки — повадки владения, повадки власти — в нём всё так же сильны, как и год назад. Они въелись в плоть, в кости, в каждый жест.

Корзина с хлебом плывёт ко мне.

— Поля? — его голос ровный, гостеприимный.

Словно он накрыл этот стол. Словно это его мясо томилось часами в духовке, наполняя дом ароматом, который теперь вызывает во мне тошноту.

Я медленно качаю головой.

— Нет, не нужно. Спасибо.

Слабый звук срывается с моих губ, похожий на смешок:

— Я сейчас стараюсь есть меньше мучного. Села на диету.

— Неожиданно, — подытоживает Арсений, ставит корзину обратно в центр стола и вновь подхватывает ложку. Он загребает ею картошку с крупными сочными кусками мяса и пристально смотрит на меня. Ложка блестит в его руке. — У тебя никогда не было проблем с лишним весом, — говорит он.

В его словах нет ни одобрения, ни осуждения. Это вежливая поддержка беседы за столом.

Я делаю глоток сладкого, слишком сладкого компота из клубники и яблок. С тихим стуком отставляю стакан, вздыхаю.

— Диета бывает не только для похудения. Ну и для улучшения самочувствия.

Арсений хмурится. Его брови, такие знакомые, сдвигаются к переносице:

— А у тебя есть жалобы на здоровье?

“Заткнись. Заткнись сейчас же. Я выплесну тебе в лицо этот проклятый компот, и пусть он стекает с твоего идеального, высокомерного лба.

Моё здоровье — это больше не твоё дело. Твои вопросы глупы и бессмысленны. Убирайся. Убирайся отсюда вместе со своей милой, очаровательной Настей. Я не хочу вас здесь видеть. Я не хочу дышать одним воздухом с вами. Я ненавижу этот спектакль, эту вашу идиллию, построенную на моих руинах.”

Но вместо агрессии я натягиваю на лицо маску и говорю ровным голосом:

— Арсений, ну что ты ко мне пристал? Я просто не хочу хлеб. Вот и всё.

Он кивает.

— Понял. — Отправляет в рот ложку с картошкой и мясом. Его зубы с тихим стуком ударяются о металл.

Звук отдаётся у меня в висках ударом боли.

Настя поднимает на меня взгляд, прижимает салфетку к уголку губ, вытирая капельку соуса.

— Полина, ты так вкусно готовишь, — её голос ласковый и удивленный. — Прямо объедение. Глаза у неё загораются наигранным, слишком ярким восторгом. — Не поделишься рецептиком?

Я чувствую, как что-то внутри меня обрывается.

Конечно, поделюсь. Я уже поделилась с тобой мужем. Поделилась детьми, их улыбками. Теперь поделюсь и рецептом, который мне достался от покойной бабушки.

— А еще мама... — подхватывает Ариша, с восторгом смотря на Настю. — Мама готовит очень вкусные фрикадельки с макаронками!

Настя разворачивается к ней в поворот, сдвигает аккуратную бровь.

— Да ты что?

Арина кивает, смотрит на меня в предвкушении.

— Мама, а ты же расскажешь Насте, как готовить те фрикадельки в томатном соусе? А то тётя Настя не умеет. Она очень старается, но не у неё ничего не выходит.

Пашка на другом конце стола встаёт с пустой тарелкой и заявляет: — Я наложу себе добавки, мам.

Я снова киваю. Механически. Во рту пересохло.

А Настя печально вздыхает и делится со мной горем, как с лучшей подругой.

— Я вообще готовить не умею. Но ведь надо учиться. Хочется же радовать и Аришку, и Павлика домашней едой, а то мы вечно то пиццу закажем, то курицу, то суши.

Арсений вновь погружает ложку в густую картошку с мясом и одобрительно хмыкает.

Звук очень самодовольный:

— Полина и правда очень хорошо готовит. И она точно тебе расскажет множество всяких секретов, — Он смотрит на меня, и в его взгляде я читаю ожидание. — Тебе же не составит труда научить Настю некоторым своим рецептам?

Я провожу пальцами по гладкому краю своей тарелки. Поднимаю взгляд на него. Над столом повисает нехорошая тишина.

— Вы же сегодня пришли не рецепты у меня выведывать, верно? — мой голос звучит тише, чем я хотела.

Арсений тут же мрачнеет. Его лицо становится закрытым, деловым. Он откладывает ложку, она с глухим стуком касается тарелки.

Тянется к стакану с компотом. Медленно кивает перед тем, как сделать глоток.

А после он вытирает губы салфеткой, аккуратно, тщательно.

Я терпеливо жду. Сердце начинает биться тяжёлыми, неровными ударами.

Настя рядом с ним тоже резко становится серьёзной, опускает глаза в тарелку, больше не смотрит на меня. Вижу, что она тоже опасается дальнейшего разговора.

Тревога в душе нарастает, заполняет всё внутри, ледяной тягучей смолой. Я не знаю, чего ждать. Но мне страшно. До тошноты страшно.

— Полина, — начинает Арсений тихо и берёт мою руку.

Его пальцы, тёплые и твёрдые, сжимают мою ладонь. Я замираю, не в силах пошевелиться, не в силах отдернуть руку. Это первое его прикосновение за год после нашего развода. Оно обжигает и пугает.

Он вглядывается в мое лицо, но его глаза тёмные, непроницаемые:

— Мы этим летом... — он делает паузу, и эта пауза кажется мне вечностью. — Мы этим летом планируем уехать. В Англию. В Лондон. Для начала... На... на полгода. Я буду продавать все свои активы, которые у меня... у меня остались после развода. У меня сейчас есть шанс выйти на европейский рынок и начать все с нуля.

Столовая плывёт, взгляд мой мутнее. Слабость накатывает.

— Я тебя поняла, — медленно тяну я, и мой голос звучит из какой-то далёкой глубины. — Я буду рада, если у тебя получится...

Арсений хмурится, открывает рот, чтобы продолжить, чтобы обрушить на меня следующую часть его жестокой новости.

Но его перебивает наша дочь Арина. Она вскидывает над головой ложку, но та выскальзывает из ее пальцев и со звоном падает на пол.

— И папа с Настей хотят, чтобы я с Павликом поехали с ними! — громко, с восторгом заявляет она. — В Лондон! И мы же поедем, мам?

4

Я вскакиваю из-за стола так резко, что ножки моего стула с противным скрежетом царапают пол.

Мрачное молчание давит на грудную клетку, не даёт дышать.

В ушах звенит, а висках стучит один-единственный вопрос: «Он хочет забрать у меня детей».

Рука сама тянется ко лбу, дрожащими пальцами я поправляю выбившуюся прядь волос, пытаюсь хоть как-то собраться, придать лицу некое подобие спокойствия.

Я обхожу стол, ноги ватные, почти не чувствую под собой пола. Подхожу к Арине, которая под столом пытается поймать упавшую ложку.

— Дай я, — присаживаюсь на корточки, чувствуя, как натягивается ткань джинсов на коленях.

Моя рука нащупывает холодный металл ложки в полумраке под столом. Я задерживаюсь там на секунду, пряча лицо, делаю глубокий-глубокий вдох, пытаюсь проглотить ком паники, подступивший к самому горлу.

Ещё секунда — и я разорвусь на части. Будет крик, истерика, слёзы, которые я так тщательно прятала весь этот год. Будет очень громко и очень некрасиво.

Я вынырываю из-под стола с ложкой в руке. Поднимаю на Арину глаза и чувствую, как губы сами растягиваются в какой-то жутковатой, слабой улыбке.

— Она грязная, пойду на кухню, принесу тебе чистую.

Это мой шанс. Мой предлог. Мой побег.

Я разворачиваюсь и почти бегу прочь из столовой, чувствуя на своей спине два пристальных взгляда.

Взгляд Арсения — тяжёлый, испытующий.

Взгляд Насти — напуганный, виноватый.

Я не оборачиваюсь. Слышу лишь, как кто-то из них... кажется, Арсений тяжело, сдавленно вздыхает, когда я скрываюсь в проёме двери.

Кухня встречает меня знакомыми запахами — тушёного мяса с черносливом, тмина, свежеспеченного печенья.

Я прислоняюсь спиной к холодной поверхности холодильника, замуриваюсь, сжимаю в кулаке ту самую грязную ложку. Холод металла немного отрезвляет.

рядом замирает Павлик с полной миской картошки и мяса. Густой томатный соус плещется через край, капает на чистый пол.

— Ой! — он ойкает, ловко уворачивается, обходя меня с опаской. — Ты тоже себе пришла добавки наложить?

Я снова пытаюсь улыбнуться, показываю ему ложку.

— Твоя сестра опять ложку уронила. Сейчас я ей принесу новую.

Павлик кивает и выходит назад, в столовую. Дверь за ним не закрывается до конца, и я слышу обрывки фраз.

— ...так вы пока посидите с Настей я.. С мамой переговорю, — это голос Арсения, бархатный, властный, тот самый, что когда-то заставлял меня трепетать от счастья.

— Ладно, — отзывается Павлик. — Как вернешься, то прихвати салфетки...

Тишина. Потом тяжёлые, уверенные шаги. Дверь на кухню открывается полностью, и в проёме возникает Арсений.

Заходит, медленно, почти бесшумно прикрывает дверь за собой, и его тёмный, непроницаемый взгляд приковывает меня к холодильнику.

Я замираю, всё ещё сжимая в руке ту дурацкую ложку, будто оружие против жестокости бывшего мужа.

Арсений делает два шага в мою сторону. Его лицо смягчается, в уголках губ появляется намёк на ту самую новую, лёгкую улыбку, которую он дарит только Насте.

— Меня радует уже то, что ты не кричишь, — говорит он тихо, почти шёпотом.

Я лишь хмурюсь и с силой прикусываю внутреннюю сторону щеки. Резкая боль возвращает меня в реальность. Кричать бесполезно.

Криками я ничего не добьюсь. Ни от него. Ни от детей, которые уже смотрят на него, как на волшебника, несущего их в сказочный Лондон.

— Ты решил у меня отобрать детей? — звучит мой шёпот, хриплый, сорванный.

Арсений медленно подходит к кухонному столу, упирается в столешницу напряжёнными костяшками пальцев.

Несколько секунд молча смотрит на свои руки, на дорогие часы на запястье.

Потом поднимает на меня взгляд исподлобья. Темные глаза, такие знакомые, такие чужие, буравят меня.

— Я не хочу отбирать у тебя детей, — произносит он чётко, отчеканивая каждое слово. — Но я хочу, чтобы они поехали со мной. И ты прекрасно знаешь, что без твоего согласия я не смогу их увезти в Лондон.

Я медленно киваю, всё ещё чувствуя на языке металлический привкус крови.

— Верно. Ты должен добиться от меня согласия.

И я прекрасно осознаю, что стоит мне сейчас встать в позу, закричать «нет, ни за что!», как я в один миг стану для своих же детей злой, скучной, непонимающей мамашей, которая лишила их сказки.

Лишила Лондона, папы-героя и весёлой Насти. Они в том возрасте, когда за граница кажется краем единорогов и приключений. Они никогда не простят мне этого.

И имеет ли мать запрещать такие поездки детям?

— Скажи честно, — внезапно срывается с моих губ шёпот, и я смотрю на Арсения прямо, открыто, уже почти ничего не боясь. — Ты бы дал согласие на то, чтобы я вывезла детей в другую страну? Вместе с другим мужчиной?

Он молчит. Минута тянется вечностью.

Слышно, как за окном воет зимний ветер. Арсений хмурится, смотрит в сторону окна, а потом снова возвращает тяжёлый взгляд на меня.

— Я бы для начала выслушал тебя, — тихо отвечает он с холодной, убийственной уверенностью.

Потом отталкивается от стола, выпрямляется.

— Времени до нашего отъезда ещё много. Есть время для тебя, чтобы ты всё обдумала. Есть время для наших детей, которые смогут принять решение и понять, чего они действительно хотят. Хотят они поехать со мной и Настей или хотят остаться с тобой?

Я горько усмехаюсь. Звук получается сиплым, надтреснутым.

— Конечно, они хотят поехать с тобой. — Делаю паузу, глотая воздух. — А я?.. Я всего лишь скучная, неинтересная мама.

— Они уже подросли, — его голос звучит мягче, почти по-отечески, — они уже не малыши, чтобы нуждаться в тебе, как в воздухе. Они уже взросленькие, и, конечно, им захочется увидеть мир.

Он делает шаг ко мне. Затем ещё один. Сокращает расстояние между нами до минимума.

— И, Поленька, послушай, — он серьёзно всматривается в мои глаза, и на миг мне кажется, что я вижу в его зрачках того старого Арсения. — Мы с тобой разошлись в хороших отношениях. Без скандалов. И я тебе бесконечно благодарен за то, что ты была мудрой и осознанной женщиной.

Он замолкает, подбирая слова. Потом внезапно его тёплая, широкая ладонь накрывает мою руку с ложкой.

Он осторожно забирает ложку, откладывает в раковину с тихим лязгом. А потом его пальцы снова смыкаются вокруг моей кисти, крепко, почти по-родственному сжимают её.

— И я могу устроить то, что ты тоже поедешь в Лондон.

Я попёрхиваюсь, воздух застревает в горле.

— Что?

— Мы же можем оформить и твою поездку, — поясняет он, и в его голосе звучат нотки делового, уже почти осуществлённого проекта. — Почему бы и нет?

— Поехать... с вами? — я слышу свой собственный, полный недоумения и горькой насмешки голос. — Что это ещё за извращение?

— Не с нами, — он хмурится, и его пальцы слегка разжимают хватку. — Не надо говорить, что я предлагаю тебе какую-то поездку “дружной шведской семьей!”. Нет. Мы отдельно поедem, ты отдельно поедешь. Но я поспособствую тому, чтобы тебе дали визу. Пособствую тому, чтобы ты сняла хорошее, комфортабельное жильё. Рядом.

Я медленно, очень медленно вытягиваю свою руку из его тёплого, захвата. Отступаю на шаг назад, к окну, и отворачиваюсь, прижимаю ладонь ко лбу.

Я делаю медленный, прерывистый выдох, пытаюсь осмыслить предложение, которое звучит одновременно как насмешка и как последний шанс.

— Я понимаю, решение сложное, — вздыхает за моей спиной Арсений. Его шаги отдаются.. — Но время есть. Никто не увозит детей вот прямо сейчас. И никто не требует твоего решения за пять минут.

Я слышу, как он наливает себе воды из крана. Слышу, как глотает.

— Я знаю, что ты примешь верное решение, Поля.

5

Я закрываю дверцу холодильника спиной. Лаковое покрытие — прохладное.

В руках держу спелое, почти идеальное красное яблоко. Его гладкая, прохладная кожица пахнет сладостью и приятной кислинкой.

Я перекидываю яблоко из ладони в ладонь. Вес его удивительно плотный, реальный, заземляющий.

Жонглирование яблоком немного успокаивает.

Смотрю на тёмно-красный бочок, на маленькую коричневую метку-завиток. Потом опускаю взгляд на пол, на кафель с бледным геометрическим узором, и, наконец, поднимаю глаза на неё.

На мою маму.

Она сидит за кухонным столом, прямая и надменная. Руки сложены перед собой на деревянной столешнице. Смотрит на меня. Не моргает. Взгляд её тёмных, почти чёрных глаз сердитый, испепеляющий. Тонкие, лишённые всякой мягкости губы поджаты так плотно, что стали просто бледной нитью на её лице.

Новости вываливаются из меня сами, сухие, обезличенные, будто не про моих детей, не про мою сломанную жизнь.

— В общем, вот такие новости, мам. — Я пожимаю плечами, и жест этот кажется мне чужим, неестественным. — Он хочет их увезти. В Англию.

Мама медленно, очень медленно выдыхает. Воздух со свистом выходит через её тонкие, раздражённо вздрагивающие ноздри. Она складывает одну ладонь на другую.

Руки у неё — костлявые, с длинными пальцами и аккуратным маникюром без лака, выдают её возраст, но не слабость.

Вся она — строгая, сухая, затянутая в блузку цвета пыльной розы с маленькими пуговицами до горла. Высокая талия строгой юбки из тёмной шерсти, острые плечи, короткие седые волосы, уложенные безупречной химической волной.

Высокие скулы, придающие лицу аристократизм и вечную, непрошибаемую отрешённость.

— Без твоего разрешения он не сможет их никуда вывести, — тихо и чётко проговаривает она. И вскидывает одну, такую же идеально выщипанную, седую бровь. — И ты ему не позволишь вывести за границу моих внуков.

Она высокомерно ведёт острым плечом и вскидывает подбородок.

— Оформи запрет на выезд. И всё.

Я усмехаюсь. Звук получается коротким, колючим и отчаянным, а затем говорю:

— Так бы поступила ты.

Мой голос тихий, но уверенный и ровный. Внутри всё дрожит, но снаружи — лёд.

— Ты мне не разрешала общаться с отцом. Видеться с ним.

Мама хмурится. На её высокой, гордой переносице залегает глубокая, знакомая с детства вертикальная морщина. Морщина злости. И ревности.

— Я... — начинает она.

Я не отвожу взгляда. И в груди моей, в самой её глубине, где до сих пор живёт обиженная девочка, вспыхивает старая, подростковая обида. Ярким, ядовитым пламенем. К

артини одна за другой — папа у подъезда с пакетом подарков, его смущённая улыбка. Мамины истерики на кухне, хлопанье дверьми. Её крики, что я предательница. Запертая на ключ дверь в мою комнату в те выходные, когда он должен был приехать за мной. Его растерянное лицо за дверью, когда я, рыдая, сказала, что не смогу. Что мама расстроится. Что мне нельзя с ним встречаться.

А через год — звонок из милиции. Автокатастрофа. Его больше нет. Навсегда.

— Ты до сих пор меня не простила, — тихо говорит мама, и в её голосе впервые за сегодня звучит не злость, а усталость..

Я слабо улыбаюсь, и губы мои предательски дрожат.

— А ты? А ты просила у меня прощения? За то, что ты запирала меня на ключ и не выпускала из дома, когда приходил отец? И когда мне врал, что папа не приходил... Когда блокировала его номер на моем телефоне?

— Я поступала так, как считала правильным на тот момент! — мама внезапно повышает голос до крика и бьёт костяшками пальцев по столу. Громко, резко. Стеклянная солонка подпрыгивает с жалким звяканьем. — Я не знала, что он погибнет! Я не знала, что через год его не станет!

— А если бы знала? — мой собственный голос звучит хрипло, почти по-звериному. — Если бы ты знала, что он через год после вашего развода умрёт, ты бы позволила мне быть с ним? Ты бы позволила проводить с ним время?

— Он был неудачником! — взвизгивает она, и её надменное лицо искажается гримасой давней, невыплаканной ненависти. — Неудачником! И да, я не хотела, чтобы вы с ним общались! Он на тебя плохо влиял! Это моё материнское право было — не позволять тебе общаться с жалким, никчёмным мужиком, который не любил меня!

— Но он любил меня! — я кричу в ответ и резко подхожу к столу, опираюсь обеими руками о столешницу. Дерево твёрдое, прохладное. Я с силой откладываю яблоко в сторону. Оно с глухим стуком катится по столу. — Он любил меня! А я любила его! Он был моим отцом!

Горло у меня схватывает болезненный, тугой спазм. Слезы, которых не было целый год, которые высохли в кабинете у Ольги Викторовны, сейчас подступают комом, жгучим и нестерпимым.

Я тихо всхлипываю, прижимаю ладонь ко рту, смотрю в сторону, на запотевшее от пара с плиты окно. Проглатываю этот ком. Закрываю глаза. И выдыхаю.

— Я не хочу быть такой матерью, как ты.

— Ну вот, — фыркает мама и встаёт. Стул с противным скрипом отъезжает назад. — Ты и останешься без детей. Я всю жизнь тебе посвятила, а ты всё о папочке своём, о папочке вспоминаешь. Он и умер, скорее всего, назло мне, чтобы ты могла меня обвинять, какая я была плохая мать.

Я открываю глаза. Смотрю на неё. На её сжатые губы, на её гневный, несправедливый взгляд.

— Если они действительно захотят уехать с отцом, — я понижаю голос до решительного, почти беззвучного шёпота и смотрю на неё исподлобья, — то я не буду их держать. Пусть едут.

Я вижу, как она замирает. Как её глаза расширяются от изумления и гнева.

— Спасибо, мам. Ты... позволила мне определиться с моим решением. Арсений — больше мне не муж. Но он всё ещё отец. И он — хороший отец. Он любит детей. А они любят отца. Да, я ревную. Да, мне больно, но моим детям не должно быть больно из-за меня.

Я делаю паузу, набираю воздух в лёгкие, чувствуя, как с каждой секундой во мне крепнет странное, ледяное спокойствие.

Мама подается ко мне через стол, и впивается в мои глаза взглядом, полным боли и презрения.

— Но любят ли они тебя, Поля? Любят ли они тебя, раз так легко готовы уехать с отцом и с чужой тёткой?

— Но я не добьюсь от них любви запретами и истериками. — Я усмехаюсь, и звук этот горький-горький. — У тебя же ничего не вышло.

6

Снег под сапогами тихо похрустывает.

Этот ритмичный звук — успокаивает и умиротворяет. Я делаю глубокий вдох морозного воздуха.

В руках бумажный пакет. Он источает сладкий, уютный запах шоколада.

Я купила шоколадные кексы.

Их любит Ариша. Их обожает Павлик.

Сегодня вечером мы посмотрим какой-нибудь дурацкий мультик, я пожарю попкорн с карамелью и сливочным маслом, чтобы кухня пахла детством и счастьем.

Потом, может быть, почитаем вслух какую-нибудь глупую книгу, и я не буду гнать их по своим спальням.

Мы все втроём заснём в моей большой постели: я накрою их одеялом, прижму к себе, вдохну запахи их волос — яблочный шампунь Арины и спортивную мальчишечью энергию Пашки.

И буду слушать их ровное дыхание.

Эти месяцы, эти недели, эти дни — всё, что у меня осталось до Лондона, — я буду выжимать из них каждую каплю.

Каждую крошку. Даже домашние уроки, эти вечные муки с уравнениями и правилами, теперь будут для меня благословением.

Я не позволю унынию затопить себя. Не буду спрашивать «почему?»

Этот вопрос — как нож в старой ране: только глубже вгоняет лезвие, делает больно, а ответа не приносят.

Я буду лёгкой. Я буду весёлой. Я буду мамой, которую вспоминают со светлой улыбкой где-то там, в туманном Альбионе.

Я подхожу к калитке, роюсь в сумке замёрзшими пальцами в поисках ключей.

Когда я открываю калитку, то слышу:

— Полечка! Привеет!

Голос знакомый, громкий летит ко мне через улицу.

Я оборачиваюсь.

Через дорогу, у только что припаркованной черной иномарки стоит Елена Ивановна. Моя бывшая свекровь.

Она вскидывает руку в перчатке и машет мне с жуткой улыбкой.

Затем приподнявшись на носочках, семенит ко мне через дорогу

Я замираю, сжимая в руке ключи. Смотрю, как она приближается.

Елена Ивановна... Она не меняется. Норковая шуба до колен, аккуратные черные сапожки.

На голове нет шапки — она их терпеть не может, говорит, что они портят укладку.

И правда, её седые волосы, обрезанные ровным каре, лежат идеальными, чёткими линиями, будто только что из-под рук парикмахера.

Лицо почти без морщин — результат регулярных визитов к косметологу и уколов красоты. Но возраст всё равно виден. Он в глубине глаз, в лёгкой обвислости кожи у шеи, в какой-то необъяснимой, но читаемой усталости, которую не скрыть ни одним филлером.

— Полечка, родная, я к тебе приехала! — её голос веселый и беззаботный.

Ведет себя не как женщина на пенсии, а как девочка.

Она уже передо мной, и, не дав опомниться, накрывает меня облаком дорогих духов, морозной свежести и ласкового тепла.

Она обнимает меня, прижимает к меховому воротнику, и её тёплые, сухие губы прикасаются к моей щеке — два лёгких, беглых поцелуя. Пахнет дорогим кремом, пудрой и её неизменным «Шанель №5».

— Привет, Полечка, я соскучилась по тебе, — она отстраняется, сжимая мои плечи в своих цепких, сильных пальцах, и ласково улыбается. Её глаза бегло сканируют моё лицо.

А затем, не дожидаясь приглашения, она юрко проскальзывает в открытую калитку и решительно идёт по расчищенной дорожке к крыльцу, снимая перчатки и расстёгивая шубу.

— А ты хорошо выглядишь, Полечка, такая свежая, румяная, — бросает она через плечо, и в её голосе звучит неподдельное, как мне кажется, одобрение.

Я нагоняю её, аккуратно беру за рукав шубы. Под пальцами — невероятно мягкий, шелковистый мех. Я мягко, но настойчиво останавливаю её на полпути к крыльцу.

— Елена Ивановна.

Она оборачивается, её ухоженное лицо выражает лёгкое, игривое недоумение.

— Что такое, милая?

— Зачем вы пришли? — мой голос звучит ровно.

Я не стану психовать. Не стану выговаривать недовольство бывшей свекрови. Я выше этого.

— Ну что ты, милая, — она фыркает, мягко, но решительно высвобождает рукав из моих пальцев. — Ты заставишь меня стоять на холоде? Я замерзну, как сурок.

И она снова поворачивается и продолжает путь к крыльцу, оставляя меня стоять с пакетом кексов и с нарастающей тревогой.

Я не жду ничего хорошего.

Я терпеливо выдыхаю. Белый парок рассеивается в морозном воздухе.

Через пару минут мы уже в прихожей. Елена Ивановна с лёгкостью сбрасывает с себя шубу — я машинально ловлю её, тяжелую, пахучую, — и нагло, по-хозяйски проходит в гостиную, оглядываясь.

Я следую за ней, мысленно уговаривая себя: «Не скандалить. Не грубить. Не кричать. Сдержаться. Просто выслушать и проводить».

Она плюхается на мой диван, покрытый мягким белым пледом, с лёгким стоном удовольствия. Бьёт ладонью по свободному месту рядом с собой.

— Садись, садись, Поля, не стой как столб.

Я медленно опускаюсь рядом, откладывая пакет с кексами на журнальный столик. В груди — камень.

Я готова к плохим новостям. К упрёкам. К просьбам не мешать Арсению. Ко всему.

Елена Ивановна снова берёт мои руки в свои. Её пальцы тёплые, узкие, с идеальным маникюром нежного персикового оттенка.

— Полечка, я хочу сказать тебе большое спасибо.

Я непроизвольно вскидываю бровь. Это последнее, чего я ожидала услышать.

— За что? — звучит мой сдержанный, почти безразличный вопрос.

— За то, что ты такая умничка, — её лицо расплывается в широкой, искренней улыбке. Глаза щурятся. — За то, что не тиранила моих внуков. И за то, что не втянула детей в ваши с моим сыном разборки. За то, что позволила Арсению остаться отцом. И за то, что сохранила их детскую любовь к моему сыну. Как к отцу.

Я молчу. Слова застревают в горле комом.

— Я не знаю, что вам ответить, — наконец выдавливаю я.

— Ничего и не надо отвечать, — она сжимает мои ладони крепче, её взгляд становится серьёзным, пронзительным. — Я за это не останусь перед тобой в долгу, слышишь? Не останусь.

Она издаёт свойственный ей игривый, кокетливый смешок, лукаво подмигивает мне.

— И даже могу помочь найти нового жениха. Красивого, состоятельного. Чтобы ты не скучала тут одна.

Она говорит это так легко, будто предлагает помочь выбрать новую сумочку, а не заменить человека, который был смыслом всей моей жизни.

Я смотрю на неё, на её ухоженное, сияющее лицо, и чувствую, как по спине бегут мурашки.

Мой мир только что рухнул, и я пытаюсь собрать его осколки воедино, чтобы подарить детям ощущение дома, а мне предлагают нового мужика найти.

— Я очень переживала за тебя, но вижу, что ты в порядке, — Елена ивановна журит меня за щеку, — видимо, ты тоже давно хотела избавиться от моего сына.

7

Мои каблуки отстукивают по серому керамограниту резкий, одинокий ритм. Звук гулко разносится под высокими потолками, отражается от голых белых стен и возвращается ко мне многократным эхом.

Помещение просторное, пустое, залитое ярким, почти белым мартовским солнцем. Оно льется сквозь панорамные окна, за которыми клочками лежит грязный снег.

Воздух холодный, пахнет пылью и строительной грунтовкой.

И посреди этого света, у окна, спиной ко мне, неподвижно стоит он. Силуэт, знакомый до каждой клеточки.

Арсений. Руки глубоко в карманах брюк, взгляд устремлен куда-то вдаль, за пределы нового спального района.

Он пьет он щурится на солнце, будто заряжается силой для своей новой, блестящей жизни.

Я делаю последний рывок, почти бесшумно разворачиваюсь на носках и останавливаюсь, заложив руки за спину. Меж нами — три метра холодного пустого пространства.

— Как тебе помещение? — Голос мой звучит на удивление ровно, вежливо и... родственно. Будто мы не бывшие муж и жена, а просто двоюродные брат с сестрой, случайно встретившиеся на просмотре недвижимости.

Он медленно оборачивается. Солнце золотит его высокие скулы, ложится в легкие морщинки у глаз. Он не улыбается. Внимательно смотрит на меня, потом скользит взглядом по голым стенам, по потолку.

— Ну, — медленно, обдуманно начинает он и опускается на широкий низкий подоконник.

Смотрит на меня снизу вверх. Взгляд его тяжелый, испытующий.

— Смотря для чего ты хочешь приобрести это помещение?

— Пока арендовать, — поправляю я и торопливо, почти бегущими шагами, подхожу к нему. Сердце колотится где-то в горле. — Есть у меня один план. — Силую изобразить легкую, деловую улыбку. — Бизнес-план.

Он молчит, ждет. Его молчание — как давление. Оно заставляет меня говорить дальше, выкладывать все, что я так долго и тщательно придумывала по ночам, пытаюсь заткнуть дыру в сердце планами на будущее.

— Не только ты хочешь начать жизнь с нуля, — говорю я и сажусь рядом с ним на холодный камень подоконника. Поправляю воротник блузки. Пальцы дрожат. — Я хочу открыть свой косметический магазинчик.

Смотрю перед собой на идеально белую, безжизненную стену. Арсений молчит, и это молчание — знак продолжать.

— Не просто магазинчик косметики, — выдавливаю я, приглаживая юбку на коленях. Ткань шерстяная, колючая. — Но еще... небольшую лабораторию. По созданию всяких кремов, масочек, шампуней...

Перевожу взгляд на его строгий профиль. Он слушает, не двигаясь.

— Помнишь, я по юности любила смешивать всякую ерунду и намазывать все это на лицо?

От воспоминания о том далеком, теплом прошлом, о нас — молодых, влюбленных, в груди не сжимается острая боль.

Лишь тупая, знакомая тяжесть под сердцем. Как старый, неизлечимый недуг. Я просто привыкла к ней. Она стала частью меня.

— Помню, — тихо говорит Арсений и наконец поворачивает ко мне голову. Уголок его губ чуть вздрагивает — подобие улыбки. — Бизнес-план неплохой.

— Пока вы... пока вы с детьми будете в Англии, — говорю я удивительно спокойно, даже жизнерадостно, — я займусь личным брендом косметики. Буду ходить на обучение, найму персонал, запущу первую линейку уходовой косметики. Назову её как-нибудь романтично, — снова эта дурацкая, натянутая улыбка. — Зря я, что ли, с тебя стрясла столько денег при разводе?

— У тебя все получится, — заявляет он серьезно, уверенно. В его голосе нет ни капли сомнения. Он всегда верил в мои силы. Кроме веры в наш брак. — Ты большая молодец.

Я отвожу взгляд от него, снова упираюсь в белую стену. Пожимаю плечами, чувствуя, как предательская теплота подступает к глазам.

— Ну, я хотя бы постараюсь быть молодцом и умницей, — шепчу и складываю ладони на коленях.

Пальцы сами находят край юбки и начинают нервно теревить ткань.

Арсений замечает это движение. Замечает мое напряжение.

— Ну, ты же попросила сегодня о встрече не для того, чтобы я одобрил твой бизнес-план, — говорит он мягко.

— Нет, — выдыхаю я, опуская голову. — Не для этого.

Набираю полной грудью воздуха. Он пахнет холодом и пылью. С мрачной решительностью поднимаю на него взгляд. Скольжу по его лицу — высокие скулы, прямой нос, упрямый подбородок. Останавливаюсь на глазах. Темных, непроницаемых.

— Ты должен мне кое-что пообещать, — шепчу я.

Голос срывается.

— Что именно? — так же тихо спрашивает он.

— И ты должен это пообещать мне с глазу на глаз. Без лишних ушей. Без лишних вопросов. Пообещать лично мне, — Хмурюсь, стараясь придать своим словам максимальный вес. — Даже дать клятву.

Арсений тяжело вздыхает, отводит глаза на секунду.

— Ты меня начинаешь пугать, Поля. В чем дело?

— Я дам тебе разрешение вывести наших детей в Англию.

Произношу это четко, глядя ему прямо в глаза. В горле першит, слезы подступают комом, обжигают носоглотку.

— Я принимаю это. Мне принять это решение очень тяжело, и я буду... — закрываю глаза, чувствуя, как по щеке скатывается первая предательская слеза. Она горячая, соленая. — Я буду по ним очень скучать.

Открываю глаза. Пусть видит. Пусть видит эти слезы, эту тоску, эту слабость. Пусть видит, какую цену я плачу за свое «молодец» и «умница». Я не буду врать. Не буду притворяться сильной.

— Я отпущу детей, — медленно и четко проговариваю я, но в голосе проскальзывает хрипота. — Отпущу. Но ты пообещай мне, что когда... что если они захотят улететь обратно. В любой день. В любое время суток... ты вернешь их мне обратно?

Делаю паузу, давая ему прочувствовать каждое слово.

— Как только они заикнутся о том, что хотят быть со мной, увидеть меня, обнять меня, ты... — голос снова дрожит, я сжимаю кулаки, — ты берешь Аришу и Павлика в охапку, тащишь в самолёт и возвращаешь их мне. Немедленно. Без разговоров. Без уговоров. Без оправданий.

По второй щеке стекает вторая слеза.

Арсений смотрит на меня. Молча. Потом его взгляд смягчается. Он находит мою руку на коленях, покрывает ее своей. Его пальцы — теплые, твердые, знакомые до боли. Он мягко сжимает ее, подается чуть ближе ко мне.

— Обещаю, Поля. Обещаю. Если они захотят тебя увидеть, обнять, вновь оказаться рядом... я верну их тебе. Я их привезу обратно.

— Запомни это, — говорю я и в ответ сжимаю его руку так крепко, что костяшки белеют. Чтобы он почувствовал в этой хватке не благодарность, а женскую угрозу. Обещание мести, если он нарушит слово. — Ты мне обещал. Запомни этот момент, как ты мне обещал, что вернешь мне детей, если они... захотят обратно ко мне.

— Запомнил, — медленно кивает он. В его глазах — неожиданное уважение.

И какая-то тень... вины?

Я выдергиваю руку из его захвата. Резко, будто обожглась. Потом тянусь к своей кожаной сумке, стоящей у ног на полу. Несколько секунд роюсь в ней, сердце колотится бешено. И наконец достаю оттуда тонкую папку из желтого картона.

Протягиваю ее ему.

— Это разрешение на выезд. Заверено у нотариуса.

Арсений медленно, почти неверующе, принимает папку. Раскрывает ее. Смотрит на официальную бумагу, на печати, на мою подпись — ровную, уверенную, которую я репетировала, чтобы рука не дрогнула.

Потом поднимает на меня глаза. Он потерял дар речи. Он явно ожидал сцен, истерик, борьбы. Всего чего угодно, но не этого.

Я нервно поправляю волосы, смахиваю с щек влагу и слабо улыбаюсь.

— Ты хорошим папой был, Арсений. — Голос снова срывается. — И лишь поэтому я с тобой сейчас веду разговор и иду навстречу. Ты хороший отец, я это признаю.

Пытаюсь улыбнуться снова, но чувствую, как лицо перекашивает гримаса боли. Сводит скулы.

— Полина... — тихо, хрипло отзывается он и снова тянется ко мне, чтобы взять за руку.

Но я резко вскакиваю с подоконника, подхватываю сумку, накидываю ремень на плечо. Спешно отхожу от него на несколько шагов, поворачиваюсь спиной. Я чувствую его растерянный взгляд на своей спине.

Чувствую, как по лицу ручьем текут слезы. Еще секунда — и я брошусь к нему, вырву эту папку, разорву ее, буду умолять все забыть, оставить детей здесь, со мной...

Я сжимаю ручку сумки. Дышу глубоко и рвано. Морозный мартовский воздух за окном кажется таким привлекательным... выбежать туда, кричать...

— Спасибо, Полина, — тихо, почти неслышно говорит он сзади. — Я этого не забуду.

Я не оборачиваюсь. Не могу. Киваю ему в пространство, проводя ладонью по мокрому лицу, и быстрыми, уверенными шагами иду к выходу. Мои каблуки снова отстукивают по пустому керамограниту.

Дверь тяжелая. Я толкаю ее плечом и выхожу на крыльцо навстречу ледящему мартовскому ветру. За спиной остается тишина пустого помещения и человек, который когда-то был смыслом моей жизни.

— Поля, — Арсений выходит за мной.

Мягким рывком разворачивает меня к себе, будто для внезапного и надрывного поцелуя, но он только прижимает меня к себе и крепко обнимает.

В этих объятиях много благодарности, но не любви.

— Спасибо... Поля... Я очень боялся...

— Тебе невероятно повезло с бывшей женой, — горько хмыкаю я.

8

Василий Игнатович, пузатый и добродушный усач в синем рабочем комбинезоне, поправляет своим натруженными руками глубокое плюшевое кресло, устанавливая его точно по задуманной мной линии.

Потом придвигает к окну круглый низенький столик цвета топленого молока. Отходит на шаг, заложив руки за спину, придиричиво смотрит на получившийся уголок — два милых кресла из розового плюша и столик между ними.

— Ну как, хозяйка, здесь оставим или куда-то переставим? — оборачивается он ко мне, вытирая лоб тыльной стороной ладони.

Я делаю несколько шагов вправо, потом влево, смотрю на композицию с разных ракурсов, прищуриваюсь.

Идея простая — клиенты будут отдыхать с чашечкой кофе у окна и наблюдать за жизнью, кипящей за стенами моего будущего магазинчика.

У стены уже стоит внушительный островок с блестящей хромированной кофемашиной, обещающей аромат свежесмолотых зерен.

Мне все нравится. Получился очень женский, уютный кусочек релакса.

— Все прекрасно, Василий Игнатович, не надо больше никуда двигать, — широко улыбаюсь я ему и решительно прохожу к одному из кресел.

Плюхаюсь в него почти с разбега. Кресло мягкое, теплое, уютное, оно обволакивает меня, как объятие давнего друга.

Закидываю руки на мягкие подлокотники, откидываюсь назад и удовлетворенно выдыхаю.

Воздух пахнет свежей краской, новым текстилем и едва уловимой пылью, которую еще предстоит вытереть.

— Хорошо, — шепчу я сама себе. — Как же хорошо.

Не могу сдержать улыбку. Разворачиваю лицо к большому окну, подставляя кожу под лучи уже по-настоящему теплого апрельского солнца. Оно ласкает лицо, обещая что-то новое. И я замираю.

Потому что за окном, по улице, торопливо, почти бегом, проходит Настя.

Будто почувствовав мой взгляд, она спотыкается, замедляет шаг, останавливается. Медленно, очень медленно разворачивается в мою сторону. Ее лицо выхватывает солнечный луч.

Неловкая, виноватая улыбка появляется на ее пухлых губах. Она приподнимает руку в тонкой бежевой перчатке и машет мне раскрытой ладонью.

Мое сердце совершает один тяжелый, гулкий удар где-то в основании горла. Тяжело вздыхаю. Поднимаю в ответ свою руку, заставляю уголки губ поползти вверх во что-то, отдаленно напоминающее приветствие.

Внутренне уговариваю себя: «Улыбнись. Не уподобляйся своей матери. Улыбнись».

Настя за окном, кажется, оживает. Ее улыбка становится шире, естественнее. Она что-то кричит сквозь стекло, но я не слышу, только вижу движение губ: «Привет!» Потом она указывает на дверь моего магазина, поднимает брови в вопросе. Я, все еще находясь в ступоре, киваю.

И вот она уже, сбиваясь с шага, переходит улицу и направляется к моему крыльцу.

Колокольчик над дверью звякает пронзительно и радостно, возвещая о входе посетителя. В мой будущий магазинчик косметики заходит Настя.

Она одета в стильное бежевое пальто прямого кроя, поверх небрежно, но со вкусом повязан белый кашемировый шарф.

Через плечо — небольшая сумка-ридикюль на золотистой цепочке. На ногах — аккуратные полусапожки на устойчивом, но элегантном низком каблуке.

Волосы уложены в легкие, живые кудри, которые игриво колышутся при каждом движении. Она красива. Нельзя отрицать этого. У нее есть врожденное чувство стиля, та самая легкая небрежность, которая дается либо с рождения, либо за большие деньги.

— Так я пойду, за витриной, — говорит Василий Игнатович, сметливым взглядом оценив ситуацию. — Буду, наверное, через минут тридцать вместе со сборщиками.

Я киваю, не в силах отвести глаз от Насти, и рабочий спешно удаляется вглубь помещения, в коридор, где есть запасной выход.

Когда звук его шагов окончательно затихает, в магазине воцаряется тишина, напряженная.

Я не встаю с кресла. Смотрю на Настю снизу вверх, как ребенок на взрослого, и тихо, почти беззвучно, спрашиваю:

— Настя, ты зачем пришла?

Она издает короткий, неловкий смешок, похожий на покашливание, и начинает оправдываться, быстро перебирая слова:

— Я... я просто проходила мимо. Вспомнила, что Арсений говорил, ты где-то тут... в этом районе снимаешь помещение. Для магазина. Решила зайти. Поздороваться. Поздравить с началом новой жизни, с такими... большими планами.

Снова этот смешок. Снова неловкая улыбка. Она переводит взгляд на блестящую кофемашину позади меня, и ее глаза вдруг по-настоящему загораются.

— Ой, а у тебя есть кофемашинка? — восклицает она, и в ее голосе слышится неподдельный восторг. — Я как раз умираю от желания выпить кофе! Не отказалась бы от чашечки!

Она торопливо делает несколько шагов в сторону островка с аппаратом, останавливается передо мной и смотрит с вопросительным, детским ожиданием.

— Она подключена? Работает?

Я опять медленно, как во сне, киваю.

— Да. Подключена.

Лицо Насти снова растягивается в милой, открытой улыбке.

— А как ты смотришь на то, чтобы выпить по чашечке? Я сварю! — предлагает она уже почти весело.

Я молчу. Продолжаю смотреть на нее с немым вопросом во взгляде. Что тебе нужно? Зачем ты здесь?

Не дожидаясь моего ответа, она с легкостью скидывает с плеча свою нарядную сумочку и перебрасывает ее на свободное розовое кресло. Движение привычное, хозяйское.

— Я все же сварю нам кофе, и мы немножко поболтаем, хорошо?

— О чем? — наконец выдавливаю я. Мой голос звучит хрипло и чуждо.

Настя замирает на полпути к кофемашине. Ее плечи слегка опускаются. Она оборачивается ко мне, и ее улыбка становится виноватой, почти несчастной. Она понижает голос до доверительного, интимного шепота.

— Я хочу поделиться своими страхами. И... попросить у тебя совета.

Она делает паузу, глотает воздух, и ее следующие слова заставляют меня опять замолчать:

— Все же мы с Арсением на целых полгода забираем твоих детей. И я хочу обсудить детали нашей поездки. И детали того, как я буду строить отношения с твоими детками. Чтобы... чтобы все было правильно.

9

Я нажимаю кнопку звонка, но делаю это тихо, почти неслышно, и сразу же отпускаю палец. Не хочу будить, если мама отдыхает.

Но уже через секунду слышу за дверью торопливые шаги. Щелчок замка, и дверь распахивается не просто открывается, а широко распахивается, будто меня здесь ждали.

— Настенька! Привет, моя милая, привет, моя хорошая! — мамино лицо озаряется такой яркой, сияющей улыбкой.

Она тянется ко мне, затягивает в прихожую, и я тону в её крепких, пахнущих домашним уютом и сладкими духами объятиях.

Её руки тут же принимаются хлопотать вокруг меня: ловко разматывают с моей шеи шёлковый шарф, помогают снять бежевое пальто, вешают его на вешалку.

— Ну как, прошла встреча с бывшей гримзой нашего Арсения? — спрашивает она, и её пальцы, тёплые и сухие, нежно обхватывают моё лицо, заставляя меня поднять на неё взгляд. Она заглядывает мне в глаза, выискивая ответ.

Я смеюсь. Я увствую себя сейчас превосходно.

А по отношению к Полине... Я чувствую лишь снисхождение. Ну не такая уж она и гримза, в конце концов. Просто... серая. Серая и несчастная. И это её выбор.

— Всё прошло замечательно, мам, — говорю я, наклоняясь, чтобы снять сапожки на аккуратном низком каблучке.

Я прохожу вглубь квартиры, на пороге кухни оборачиваюсь на маму. Она такая милая. И она так сильно, так искренне старается быть для меня хорошей мамой, поддержать меня во всём. Я пожимаю плечами, делаю шаг на кухню.

Кухня светлая, почти стерильная в своей белизне: белые глянцевые фасады шкафов, белая столешница, белая техника.

Всё выдержано в строгом классическом стиле, ни одной лишней детали, ни пылинки. На столе — ваза с идеальными восковыми орхидеями.

Я шагаю к большому холодильнику, открываю тяжёлую дверцу. Внутри царит идеальный порядок: аккуратные контейнеры, расставленные в ряд бутылки, свежие овощи в специальных ящиках.

— Мама, а что у тебя есть покушать? — выглядываю я из-за дверцы, строю немного виноватую, детскую гримасу.

— Садись, садись, моя хорошая! — мама хлопает себя по бедрам. — Сейчас я тебя, сейчас я тебя накормлю котлетками и твоей любимой пюрешечкой!

Я прохожу к кухонному столу, сажусь на жёсткий стул. Поправляю воротник своей кремовой водолазки, подпираю лицо кулачком и наблюдаю, как мама шустрит на кухне — она так грациозна в этих движениях, будто танцует.

Она достаёт из шкафа глубокую тарелку в мелкий синий цветочек, открывает эмалированную белую кастрюлю.

Ловко накладывает пушистое белое пюре, затем из другой кастрюльки — две румяные, аппетитные котлеты.

Ставит тарелку в микроволновку, запускает её. Гулкий рокот наполняет кухню на несколько секунд.

— Поля без скандала отпускает детей...

И только потом она резко разворачивается ко мне, подпирает бока руками. На её лице — лёгкая, снисходительная усмешка.

— Да не любит она детей, раз так просто их отпускает, — хмыкает она. — И Арсения не любила. Я очень боялась, что у вас будут с ней проблемы, но тётка, видимо, никого в своей жизни не любит. И поэтому от всех так легко отказывается.

Я смотрю на неё и чувствую, как внутри всё распирает от торжества и самодовольства.

Поля совершенно не видит во мне угрозы, но зря.

— Ну, раз она так просто от всего отказывается, — смеюсь я, и моя улыбка становится всё шире, — то я стану женой для Арсения. И мамой для его деток.

Мама тяжело вздыхает, подходит к столу и садится рядом со мной. Она протягивает через стол руку, прижимает свою тёплую, чуть шершавую ладонь к моей щеке. В её глазах — неподдельная печаль.

— Ну, раз своих ты не можешь родить, — тихо говорит она, и в её голосе звучит смирение, — то пусть чужие станут твоими.

Я прижимаюсь щекой к её ладони, чувствуя её тепло и всю материнскую грусть, что в ней заключена. И тогда я наклоняюсь чуть ближе и шепчу. Шепчу тихо, почти зловеще, но с непоколебимой уверенностью в своём праве.

— Я очень постараюсь стать для них роднее матери. Которая так легко и бездумно отпускает их далеко от себя. Это она зря... Но, видимо, мозгов у неё совсем нет. Променяла детей на магазинчик косметики.

Я откидываюсь на спинку стула, и моё лицо снова расплывается в высокомерной улыбке.

— Мать года, — произношу я с лёгким презрением, — я бы моих детей никуда бы не отпустила.

10

Комната Ариши тонет в мягком, золотистом свете закатного солнца. Пылинки танцуют в лучах, ложатся на розовое покрывало, на разбросанные фломастеры и на белую спинку кровати, где сидит моя дочка.

Аришка раскладывает в ряд своих кукол и плюшевых игрушек — медвежонка в синей курточке, зайца с одним пришитым глазом, потрёпанную Барби в блестящем платье. Она озадаченно чешет свою пухлую щёчку и тяжело вздыхает.

— Я же вас всех не могу взять с собой, — её голосок тихий, разочарованный. Она жуёт губы, прижимает ладошки к лицу и смотрит на игрушечное семейство с настоящей тоской. — Что мне делать?

Я не могу сдержать улыбки — такой горькой и нежной одновременно.

Придвигаюсь к кровати, опускаюсь на колени на мягкий ковёр. Кладу руки на матрас, а потом и сама ложусь щекой на руки.

Сижу так и смотрю на дочу. Стараюсь запомнить каждую её черту, каждую ресничку, каждую светлую волосинку на её виске. Солнце освещает её, как маленького, озадаченного ангелочка.

Одета она в свою любимую розовую пижаму с единорогами, а волосы, ещё влажные после ванны, заплетены в две не очень ровные, но до боли милые косички с маленькими сиреневыми бантиками на кончиках.

— Мам, а ты что думаешь? — Арина переводит на меня свой широко распахнутый наивный взгляд. — Кого мне взять?

Я улыбаюсь, и губы мои подрагивают.

— Я не знаю, солнышко. По кому ты больше всего будешь скучать?

В дверь заглядывает Павлик. Он стоит несколько секунд, молча созерцая картину: разложенные игрушки, печальную сестру, меня у кровати. Потом с подростковым высокомерием фыркает.

— Ты уже взрослая для игрушек, Арина. Тащить этот хлам через тысячи километров.

Он делает вид, что разворачивается и уходит, но я-то знаю.

Знаю каждую его уловку. Он не просто так заглянул. Он хотел обозначить своё присутствие, и сейчас всем своим видом, всей своей показной небрежностью ждёт, чтобы его остановили. Потребовали, чтобы он остался здесь, с нами.

— Павлик, не уходи, — говорю я тихо, и голос мой звучит хрипло. — Пойди, посиди с нами.

Он закатывает глаза, издаёт громкий, театральный вздох, но всё же заходит в комнату. Шаркая ногами в толстых разноцветных носках, он подходит к кровати и под возмущённый вздох сестры плюхается на матрас.

Он скидывает ногой плюшевого зайца мне на колени, хватая медведя в синей курточке, вертит в своих уже таких больших, но всё ещё по-детски неуклюжих руках.

— Давай через считалочку выберешь, кого возьмёшь с собой, — предлагает он Арине, которая сердито оглядывается на него. — Эники, беники, ели вареники...

— Отстань, — фыркает Арина, поддаётся к нему, отнимает свои медведя и возвращает его в аккуратный, безупречный ряд.

Я отдаю ей зайца.

Несколько секунд она молчит, сосредоточенно думая, а потом снова смотрит на меня. И я вижу в её глазах уже не детскую озадаченность. Вижу тёмную, взрослую тоску. И вину.

Сердце моё сжимается.

— Милая, что случилось? — шепчу я.

Арина шмыгает, сглатывает. Я вижу, как у неё дрожит подбородок, и понимаю — она может заплакать в любой момент. Протягиваю к дочери руку, касаюсь её маленького плечика сквозь мягкую ткань пижамы.

— Ну что ты... Хочешь, я поговорю с папой, чтобы он взял дополнительный чемодан для твоих игрушек? Для всех. Меня он послушает.

Арина снова шмыгает и тяжело вздыхает, её плечики опускаются.

— Это не из-за игрушек.

— А из-за чего? — спрашиваю я, хотя внутри уже всё обрывается, предчувствуя удар.

— Из-за бабушки, — мрачно, глядя в потолок, произносит Павлик. Он закидывает руки за голову и делает вид, что ему скучно, но я вижу, как напряжена его шея. — Она нас в субботу предателями назвала.

Арина наконец не выдерживает. По её щеке скатывается первая круглая, блестящая слеза. Она смотрит на меня, и в её взгляде — такая мука, такое недоумение, что мне хочется закричать.

— Мам, а мы... мы правда предатели? — выдыхает она. — Мы тебя бросаем?

11

Слова Павлика оставляют в моих ушах звон.

«Она нас в субботу предателями назвала».

И сначала — тишина. Абсолютная, оглушающая. Я слышу, как в ушах шумит кровь.

Затем из самой глубины, из того темного уголка души, где копилось годами, поднимается волна. Сначала это просто жар за грудиной, потом — стремительный, огненный потоп, который смывает все: усталость, боль, и мое материнское спокойствие.

Гнев. Чистый, беспощадный, опьяняющий гнев.

Я резко вскакиваю на ноги. Движение такое порывистое, что голова кружится на секунду.

Пылинки в закатных лучах взмываются вихрем.

— Мам? — тихо, испуганно говорит Арина.

Я стою, сжав кулаки, дышу прерывисто, как загнанный зверь. Смотрю на моих детей. На Павлика — его поза еще показно-небрежная, но взгляд пристальный, настороженный.

На Арину — ее большие глаза полны страха, губы подрагивают.

И в этих глазах, в этом ожидании взрыва, я вижу саму себя. Маленькую девочку, которая жметя у двери после ухода отца и ждет, когда мама начнет кричать, обвинять, называть предательницей за то, что та захотела провести выходные с папой.

Я помню это ощущение в груди — смесь ужаса, вины и полного непонимания, за что же тебя так ненавидят за простую детскую любовь.

Я прижимаю ледяные, дрожащие ладони к горящим щекам, закрываю глаза. Перед веками пляшут красные круги. Я

делаю глубокий, медленный вдох. Выдыхаю. Еще раз. Воздух выходит со свистом.

Я не позволю. Я не позволю ей сломать их детство, как когда-то сломала мое.

Я не позволю им чувствовать себя виноватыми за то, что они любят своего отца.

Я не моя мать. Я не стану винить моих детей за любовь к папе.

— Мам? — снова шепчет Арина, и в ее голосе — мольба.

Я медленно, очень медленно опускаюсь обратно на мягкий ковер. Ворс приятно колетя сквозь тонкую ткань джинс. Я смотрю на дочь, потом перевожу взгляд на сына. Углы моих губ с невероятным усилием ползут вверх в слабую, но искреннюю улыбку.

Выдыхаю. И говорю тихо, но так четко, чтобы каждое слово отпечаталось в их сердцах:

— Я не считаю вас предателями. И меня нельзя бросить, потому что я не вещь, а человек.

Арина хмурится, пытаясь осмыслить. Павлик рывком садится, опирается локтями на колени, чтобы лучше видеть мое лицо. Его взгляд теперь взрослый, серьезный.

— Я знаю, что вы сильно любите отца, — продолжаю я, делая паузу, чтобы они услышали каждую букву. — И он... он для вас хороший папа. Он также был хорошим мужем, и в последний год перед нашим разводом он продолжал стараться быть хорошим мужем для меня. И я... на него, конечно, злюсь, ревную, но это лично мои обиды. Это моя личная боль. Но вместе с этим я не отрицаю того, что он хороший папа и он обещал мне, что будет хорошим бывшим мужем.

Я вижу, как напряжение понемногу спадает с их маленьких плеч.

— И я знаю, что вам очень интересно, каково это — жить в Англии, — я слабо улыбаюсь, и это уже почти не больно. — Потому что мне в вашем возрасте тоже было бы интересно. И если бы меня папа позвал поехать с ним в Лондон, то я бы очень хотела поехать. Пожить с ним в другой стране.

Арина всхлипывает, и по ее щеке катится блестящая слеза. Я протягиваю руку и сжимаю ее маленькую, теплую ладонь.

— Я считаю, что вам стоит поехать с папой. Посмотреть на Лондон, пожить там, погулять, научиться английскому языку, завести новых друзей. Это же так интересно.

Горло сжимает предательский ком, но я глотаю его, заставляя голос оставаться ровным.

— А ты? — тихо, глухо спрашивает Павлик.

Я перевожу на него свой серьезный взгляд.

— А я буду по вам сильно скучать. Я вас буду ждать. Я буду звонить вам каждый день. Но вместе с этим я тоже тут буду жить. И жить буду хорошо и интересно. Я открою свой магазинчик, я тоже заведу новые знакомства. Я буду учиться новому. Разве вы будете злиться на меня из-за того, что я буду тут жить хорошо и весело?

— Нет, — немедленно, глухо отвечает Павлик.

— Моя любовь не станет меньше, — я закрываю глаза, чувствуя, как по щекам текут тихие, облегчающие слезы, — если вы уедете в Англию на шесть месяцев с отцом.

— Мам! — снова всхлипывает Арина и вдруг кидается ко мне с кровати, обвивая мою шею руками.

Я с тихим покрхтыванием перехватываю ее, устраиваю на своих коленях, прижимаю к груди, как маленькую, и начинаю медленно раскачивать. Целую ее макушку, вдохнув сладкий запах яблочного шампуня. Павлик тоже сползает на пол и садится рядом, прислонившись ко мне плечом. Его голова тяжело ложится мне на плечо.

— Тогда ты должна пообещать, что тебе тут тоже будет хорошо, — шепчет моя Ариночка.

— Обещаю, солнышко, — Я всматриваюсь в красные от слез глаза Арины, а потом в мрачное, но смягченное лицо Павлика. — А, может, даже в гости приеду.

12

— Вот, — говорю я, и голос мой звучит на удивление ровно. Я засовываю руку в карман своей легкой ветровки, ищу прохладный металл. Пальцы нащупывают два брелока. — Держите.

Павлику — сюрикен, отполированный до зеркального блеска, холодный и острый на вид. Арине — объемное сердечко из розового металла, гладкое и приятно тяжелое для своего размера.

— Это для ваших новых ключей, — объясняю я, пока они берут их, их пальцы осторожно касаются моей ладони. — От вашего нового дома. В Лондоне.

Аэропорт гудит, как гигантский улей.

Высокие сводчатые потолки теряются в полумраке, где мерцают огоньки информационных табло. Где-то далеко, эхом, объявляют рейс. Колесики чемоданов скрипят и грохочут по стыкам плит холодного, глянцевого пола.

Воздух плотный — смесь запахов кофе из ближайшей кофейни, сладковатой парфюмерной воды из дьюти-фри. Люди плывут мимо нас, не замечая нашей маленькой драмы.

Павлик торопливо, почти лихорадочно, снимает с плеч свой синий рюкзак. Молния на главном кармане щелкает, он цепляет к ее язычку брелок-сюрикен. Он блестит под ярким светом ламп, отражая суету вокруг.

— Дай я, — говорит он Арине, и его голос сдавлен. Он берет у нее из рук розовое сердечко и так же ловко пристегивает его к молнии на ее розовой курточке. Движения его пальцев уверенные, но я вижу, как дрожит его рука.

Я смотрю на них, на эти два брелока — острый стальной сюрикен и нежное розовое сердце. Символы моих детей.

И я улыбаюсь. Широко. Искренне.

— Наверное, — говорю я,, — когда вы вернетесь, вы уже будете совсем взрослыми. Я же вас совсем не узнаю.

— Мам, полгода всего, — фыркает Павлик.

Я прижимаю ладони к щекам моих детей. Они теплые, бархатистые. Арина подается ко мне, обвивает руками мою талию и утыкается лицом мне в грудь, в мягкую ткань ветровки.

Я чувствую, как она медленно, глубоко вдыхает, запоминая мой запах — запах домашнего мыла и моих духов.

И в этот момент я вижу их.

Из толпы у стойки регистрации выходят Арсений и Настя. Настя — в хлопковом летнем платье в цветочек. Арсений - в легких брюках и простой рубашке поло.

Настя поднимает руку и машет мне. Неловко, виновато.

Арсений проводит по волосам рукой, поправляя, и этот жест такой знакомый, такой его — нервный, когда он волнуется.

Наши взгляды встречаются. Всего на секунду.

И эта секунда пронзает меня, как током. Не тогда, когда я обнимала детей и не тогда, когда вдыхала запах волос Арины.

А сейчас. При взгляде на него. Щемящее, острое чувство тоски, отчаяния, будто я снова стою на краю той самой пропасти, в которую едва не рухнула год назад при нашем разводе. Всего на секунду. Но я оказываюсь там. Я даже испуганно отступаю на шаг, чувствуя, как уходит из-под ног.

И я вижу, как в его темных, непроницаемых глазах пробегает тень.

Они подходят. Настя тут же приобнимает Арину, которая все еще прижимается ко мне.

— Ну что ты, моя хорошая? — ее голос ласковый, сладковатый. — Только не говори, что передумала лететь с нами.

А Арсений неожиданно берет меня под локоть. Его пальцы твердые, теплые и решительные

— Пойдем, — тихо говорит он мне на ухо, и его дыхание обжигает кожу. — Давай отойдем в сторонку. Я хочу с тобой кое-что обговорить. Лично.

— Ой, а вы куда? — слышится удивленный, чуть испуганный голос Насти. Я улавливаю в нем ту самую нотку ревности, которую она так старательно скрывает.

Арсений оборачивается к ней, и его взгляд становится властным, тем самым, что не терпит возражений.

— Мне тоже надо попрощаться с Полиной, — говорит он ровно, без эмоций. — Мы ненадолго.

И он уже увлекает меня за собой, прочь от детей, прочь от Насти, в сторону ряда пустующих кресел у огромного, холодного окна, за которым виднеются силуэты самолетов. Мои ноги идут за ним почти автоматически, а сердце колотится где-то в висках, заглушая гул аэропорта.

13

Я медленно опускаюсь в глубокое кресло. Оно мягко принимает мой вес, будто пытается утешить.

Арсений несколько секунд медлит, вглядывается в огромное окно аэропорта, в котором, как в гигантском зеркале, отражаются люди — безликие, спешащие тени. Огни табло, размытые до цветных бликов, плывут у самого потолка.

А после и он сам опускается рядом, в соседнее кресло. Пружины под ним тихо скрипят.

Я сглатываю комок, застрявший в горле, смотрю на него и чувствую его напряжение — оно исходит от него почти физически, как жар. О

н смотрит прямо перед собой, локти уперты в колени. Его пальцы, длинные, с аккуратными ногтями сцеплены в белый от усилия замок.

Несколько раз он нервно дёргает правым коленом, а после резко, почти с раздражением, откидывается на спинку кресла. Закрывает глаза и медленно, с шипением, выдыхает. Воздух пахнет его одеколоном — лёгким, древесным, чужим.

— Ты явно нервничаешь, — тихо заявляю я и тоже откидываюсь назад, кладу ладони на прохладные пластиковые подлокотники.

Пытаюсь на выдохе прогнать грусть и тоску, что подкатили к самому горлу. Тоску по бывшему мужу, который улетает на долгие полгода в другую страну. С чужой женщиной. С моими детьми.

— Нервничаю, — Арсений медленно кивает, не открывая глаз.

Потом всё же поворачивает ко мне лицо. Теперь мы оба смотрим друг на друга. Его глаза тёмные, усталые. В уголках губ — новые, чужие морщинки.

— У тебя всё получится, — обещаю я и слабо улыбаюсь, пытаюсь сыграть для него равнодушие и даже лёгкую беззаботность.

Страшно, что он увидит в моих глазах ту самую любовь, которая за всё это время так и не покинула мою душу, так и не погасла.

Мне всё ещё больно. Но да, это уже не острая, режущая боль, а хроническая. Моя душа хронически больна Арсением. Это диагноз на всю оставшуюся жизнь.

Арсений в ответ лишь усмехается, коротко и беззвучно. И в этой усмешке я всё же чувствую его грусть. Похоже, он и сам не особо хочет уезжать так надолго. Похоже, он будет скучать. По родным местам. По привычной жизни. По чему-то, что теперь навсегда останется в прошлом.

— Может быть, настолько получится, что ты решишь остаться там и на несколько лет, — хмыкаю я, в желании вложить в его голову мысль, что ему не стоит возвращаться.

В Россию. Ко мне.

Но затем я пугаюсь собственной мысли — ведь вместе с ним на несколько лет в Англии могут остаться и дети. Я зажмуриваюсь, выдыхаю и вновь смотрю на Арсения.

— Хочешь избавиться от меня? — Арсений смеётся, и в его смехе слышится какая-то горькая нотка. — Ну, ты уж как-нибудь понежнее посылай меня в далёкий путь.

— Жаль, что в этот далёкий путь за тобой могут надолго последовать и наши дети, — честно признаюсь я и пожимаю плечами, делая вид, что мне всё равно. — Так что ладно, давай на полгода, как обещал.

— Я буду скучать, — неожиданно, тихо и чётко, признается Арсений.

И его ладонь — тёплая, сухая, тяжёлая — накрывает мою руку, лежащую на подлокотнике.

Его прикосновение заставляет моё сердце вздрогнуть и закровоточить с новой силой.

Я с усилием воли сглатываю и вспоминаю совет Ольги Викторовны, который та давала мне на одной из последних сессий уже после развода: «Признай свою боль перед тем, с кем тебе тяжело дышать. Скажи ему о ней. И тогда станет легче. Должно стать легче.»

Я делаю глубокий вдох. Воздух аэропорта кажется густым и сладковатым от чужих духов. Выдыхаю. И тихо отвечаю Арсению с той честностью, на которую способны люди лишь перед неминуемой разлукой.

— Увы, Арсений, — я не отвожу взгляда, пусть видит всё — и боль, и тоску, и эту дурацкую, неизбежную любовь. — Я тоже буду скучать.

Он смотрит на меня, и его пальцы слегка сжимают мои. Нежно. Почти по-родственному. От этого ещё больнее.

— Ну, я... я-то понятно, почему буду скучать, — я с грустью усмехаюсь. — А ты? Ты почему будешь скучать по мне?

Он молчит несколько секунд. Его взгляд блуждает по моему лицу, будто ищет что-то знакомое, утерянное.

— По привычке, наверное, — наконец говорит он, и его голос звучит приглушённо. — Четырнадцать лет — это ведь не шутки. Ты стала частью моей жизни, Поля. Даже после развода.

Слово «частью» режет слух. Не «любовью», не «смыслом». Частью. Как аппендикс. Удалили — и вроде жить можно, но что-то иногда напоминает.

— По привычке, — повторяю я, и губы сами растягиваются в горькой улыбке. — Я тебя поняла.

Я осторожно вынимаю свою руку из-под его ладони. Прикосновение становится невыносимым. Оно обжигает надеждой, которой нет и не может быть.

— Пора, — говорю я, глядя куда-то поверх его головы, на табло с мерцающим временем вылета. — Ваш рейс, кажется, начинают объявлять.

Он смотрит на свою опустевшую ладонь, потом поднимает на меня глаза.

— Да, пора, — соглашается он и поднимается. — Береги себя, Поля. И мои юристы в твоём полном распоряжении. Будут трудности с бизнесом, они тебе помогут.

— И ты береги себя, — шепчу я в ответ, уже не глядя на него. — Ради Насти.

14

— Мама, смотри! — голос Арины, немного искажённый связью, но такой родной. Камера дергается, плывет, выхватывая сначала потолок, а потом — огромное, светлое пространство. — Вот моя комната!

Она смеётся, и этот звук наполняет мою тихую спальню призраком её присутствия.

— Да, — продолжает она, и камера медленно проезжает по стенам цвета слоновой кости, по тяжёлым, плотным шторам изумрудного бархата. — Тут у меня комната как у взрослой!

Изображение на секунду смазывается, а потом я вижу её снова — она переключила камеру на селфи и улыбается в объектив во весь рот, её глаза — счастливые.

— А ещё у меня в моей комнате отдельный балкон!

Камера снова дергается, мир за окном телефона кренится. Слышен скрип двери, шум улицы, врывающийся в комнату.

Вот он, балкон — небольшой, кованый, уставленный ящиками с ещё не распустившимися цветами. Арина показывает мне улочку внизу — аккуратную, словно игрушечную, с рядами одинаковых домиков под коричневой черепичной крышей. На улице пасмурно, по стеклу балконной двери стекают редкие, ленивые капли дождя.

— Классно, да? — шепчет она за кадром, и тут же чихает.

Я не могу сдержать улыбки, но она застревает на губах, недоделанная и горькая. На экране снова её восторженная моська.

— Потом я тебе покажу комнату Пашки, когда он проснётся, а сейчас он дрыхнет, как сурок без задних лап! — она закатывает глаза с комичным отчаянием.

И вот она приходит. Страшная, чёрная, нехорошая мысль. Теперь я буду видеть моих детей только так. Через это холодное, мерцающее стекло.

Их улыбки, их обиды, их жизнь — плоскую, лишённую запахов и тактильных ощущений. Я не смогу прижать их к себе, вдохнуть запах детских волос, почувствовать их тёплые, доверчивые ладони в своей.

Ярость, горячая и беспощадная, вскипает во мне. Нет. Нет, чёрт возьми! Я яростно гоню от себя эту мысль, заталкиваю её в самый тёмный угол сознания.

— Очень красиво, солнышко, — говорю я, и голос мой звучит на удивление ровно, почти естественно.

Полгода... шесть месяцев пройдут очень быстро. И я скоро снова буду обнимать свою девочку наяву.

— Ариша, милая? — раздаётся в динамике далекий, но до боли знакомый баритон.

Я вся вздрагиваю, будто меня ударили током.

— Я тут с мамой разговариваю! — кричит Арина, поворачивая голову к двери.

Камера ловит движение в проёме. Там замирает он. Арсений.

Он в простой серой футболке, волосы слегка взъерошены, будто он только что провел рукой. Он стоит на пороге, словно не решаясь нарушить границы её нового пространства, и хмурится. Его взгляд устремлен куда-то вглубь комнаты, мимо экрана.

— Пап, чего ты хотел? — спрашивает Арина, перекрывая микрофон ладошкой. — Тоже хочешь с мамой поговорить?

Он медленно, почти задумчиво, качает головой.

— Там Настя приготовила обед, — тихо говорит он, и его голос кажется таким близким, будто он стоит за моей спиной. — Зовёт тебя покушать.

— А что она приготовила? — оживает Арина.

— Фрикадельки со спагетти, — отвечает Арсений.

У меня сжимается сердце. Так вот оно как. Она не просто играет в добрую подружку.

Она намеренно, расчетливо начала завоёвывать их. И начала она с самого верного, с самого вреного — с еды. С домашней стряпни.

С того самого тёплого, уютного ощущения, которое рождается не в парках развлечений, а на кухне, за общим столом, за разговорами и смехом. Запах жареного фарша, томатного соуса, свежесваренной пасты... Это запах дома. И она его создаёт. Для моих детей.

— Ух ты, фрикадельки! — восторженно тянет Арина и торопливо шагает к отцу. Изображение на экране бешено вращается, пол, потолок, дверной косяк... И вот он — её рука суёт телефон в руки Арсения. — Ладно, мам, я пошла кушать, а ты поговори с папой!

На экране появляется его лицо. Крупно. Так близко, что я вижу лёгкую щетину на его щеках, тень усталости в уголках глаз. Он смотрит на меня, и на его губах появляется слабая, растерянная улыбка.

— Привет, — говорит он, и его голос звучит уже без искажений, чистый и глубокий. — Ты сама-то пообедала?

— Почему ты... спрашиваешь?

— Боюсь, что ты можешь сейчас в депрессию уйти...

— Не уйду, — глухо обещаю я.

— Я попрошу маму, чтобы она за тобой присмотрела, — вздыхает Арсений, — я волнуюсь.

15

Я заглядываю в духовку, и волна сухого, обжигающего жара опалает ресницы и веки. Внутри румянится мой яблочный пирог. Он выглядит так, как на картинке в рецепте: золотисто-коричневый, пышный, с карамелизированными пузырьками сока по краям.

Аромат корицы и печеных яблок, такой уютный и домашний, наполняет кухню, обманывая всех, кроме меня.

В руке у меня деревянная шпажка. Я аккуратно, стараясь не помять нежный верх, протыкаю пирог почти в самом центре. Чувствую, как тонкая древесина с усилием проходит сквозь плотную текстуру. Тяну её обратно и с замиранием сердца разглядываю.

И совершенно не понимаю. Она чуть влажная, на ней прилипли крошечные крупинки теста. Это значит готово? Или ещё сыро? В рецепте сказано: «до сухой шпажки». А что такое «сухая»? Совершенно сухая?

Или вот такая, чуть влажноватая? Я так и не научилась определять эту грань.

Будь моя воля, я бы наняла целый штат: домработницу, которая вытрет пыль и разложит вещи по полкам, и повара, самого лучшего, который бы отвечал за то, чтобы на столе всегда стояли вкусные, сложные блюда, а воздух пах не просто «вкусно», а «профессионально, дорого, безупречно».

Я бы с радостью делегировала это всё, освободила бы себя для чего-то более важного. Для карьеры. Для себя. Для Арсения, в конце концов.

Но я не могу. Не сейчас. Сейчас это не роскошь, это предательство самой себя. Потому что мне важно, жизненно важно завоевать их. Аришку и Павлика. Не купить, не ослепить развлечениями, а именно завоевать.

По кирпичику, по крошечному кусочку этого самого яблочного пирога. Через эту дурацкую, наигранную готовку, через совместные ужины, через игру в уютную, любящую домохозяйку, которая всегда встретит с горячим и ароматным обедом.

Если на кухне будет возиться чужой человек, нанятый и безупречный, между мной и детьми никогда не возникнет эта самая родственная связь, эта невидимая нить, которая тянется обычно между мамами и детьми.

С тяжёлым вздохом я захлопываю дверцу духовки. Пирог пусть постоит ещё, мало ли.

Смахиваю со лба выбившийся влажный локон и с раздражением швыряю деревянную шпажку на столешницу из тёмного гранита. Она отскакивает с сухим щелчком и замирает.

Я должна выдержать это испытание. Испытание семьёй, бытом, этой ролью, которая мне так тесна.

Иначе всё зря. Зря я решилась быть с Арсением, зря позволила себе быть такой самоуверенной, зря мысленно посмеивалась над Полиной, её простой едой и её тихой, неприметной жизнью.

Если я сдамся сейчас, это будет означать, что она победила. Просто тем, что умеет определять готовность пирога по дурацкой шпажке.

Слышу мягкие шаги и оборачиваюсь. В дверях кухни застыл Арсений. Он в тёплых мягких штанах цвета тёмного хаки, в простой чёрной футболке, обрисовывающей мощный рельеф его плеч и груди, а поверх накинут уютный шерстяной халат в красно-чёрную клетку.

Он весь такой домашний, расслабленный, милый. От него веет теплом и спокойствием, и мне так хочется броситься к нему, обвить его руками, прижаться щекой к груди, вдохнуть его запах и зацеловать это немного суровое, но такое родное лицо.

— Привет, милый, — шепчу я, и на губы сами наплывает улыбка.

— Вкусно пахнет, — отвечает он, и его губы растягиваются в лёгкой, одобрительной улыбке.

Он делает несколько шагов внутрь кухни, но почему-то останавливается в паре метров от меня. Не подходит ближе. Не тянется, чтобы обнять.

Что-то не так. Я чётко, как животное, чувствую лёгкое напряжение в его позе, лёгкую тень в глазах.

— Милый, что-то случилось? — спрашиваю я, и голос мой звучит чуть выше обычного.

Арсений слегка хмурится, проводит рукой по своим волосам, взъерошивая их. Он медлит. Эта пауза, длиною в минуту, кажется мне вечностью. Воздух сгущается, и аромат яблок и корицы вдруг становится приторным, давящим.

— Через пару недель прилетит Полина, — тихо, но очень чётко заявляет он.

Я застываю, не в силах издать ни звука. Внутри — мгновенная, ослепляющая реакция: паника, а следом — острая, едкая злость. Нет. Нет, только не это.

Я так надеялась, что мы от неё избавились, что она осталась там, в том старом мире, с её магазинчиком косметики и её тихим страданием. Я не хочу её видеть. Не хочу, чтобы она снова вошла в наше пространство, своим молчаливым присутствием напоминая Арсению о прошлом.

Мне с трудом удаётся сдержать на лице улыбку. Она замирает на губах, кривая и неестественная. Я чувствую, как холодеют кончики пальцев.

— Она... она хочет остановиться в отеле, — продолжает Арсений, наконец подходя ко мне. Он берет мои холодные руки в свои тёплые, большие ладони, внимательно заглядывает в глаза, пытаюсь поймать мой взгляд. Его пальцы сжимаются, но это не нежность, а скорее попытка удержать, донести что-то важное:

— Но я хочу предложить ей остаться у нас дома.

16

— Они не отвечают на мои звонки! — вскрикивает моя мама на пороге, её голос. Она как всегда приехала без приглашения.

Затем она проходит мимо меня, с силой скидывает на паркет туфли на коротком каблуке. Они грохаются, разлетаясь в стороны. Резко разворачивается ко мне. Зло и сердито подбоченивается.

— Это ты их подговорила, чтобы они не отвечали на мои звонки?

В груди нарастает раздражение, густое и усталое.

Начинается. Хочу вытолкнуть мать за дверь. грубо и жестоко.

— Кто? — тихо спрашиваю я, недоумённо вскидывая бровь.

Я носком придвигаю её разбросанную обувь ближе к обувнице. Вздыхаю и всё же наклоняюсь, чтобы поставить туфли ровно, аккуратно.

Распрямляюсь и вновь смотрю на маму в ожидании ответа. Её глаза, тёмные и почти чёрные от злости, прожигают меня насквозь.

— Твои дети! — вскрикивает она и грозит мне пальцем с безупречным маникюром. — Мои внуки! Арина и Павлик! Я им звоню, звоню, звоню каждый день по несколько раз! Они на мои звонки не отвечают!

— Наверное, не хотят слышать о том, какие они бессовестные предатели, — горько хмыкаю я и медленно прохожу мимо возмущённой матери, направляясь в гостиную.

Наши плечи соприкасаются. Я останавливаюсь, поворачиваю к ней лицо и чувствую, как по губам ползёт холодная, невесёлая улыбка.

— А на мои звонки, — говорю я ровно, — они отвечают.

— А кто они, если не предатели? — раздувает ноздри мама, её лицо искажается гримасой.

Я тяжело вздыхаю и хмурюсь. Усталость накатывает волной, солёной и безрадостной.

— Мама, сначала я для тебя была предательницей, теперь твои внуки стали для тебя предателями. Придумай что-нибудь новое, — я делаю длинную паузу, в надежде, что до неё наконец-таки дойдёт, что она всех утомила.

— Какая мать — такие и дети! — зло плюёт моя мать.

Мелкие брызги её слюны долетают до моего лица. Я чувствую их, словно капли кислоты. Медленно, почти ритуально, поднимаю руку и вытираю кожу пальцами. Пальцы дрожат.

— Мама, у меня нет ни времени, ни желания терпеть твои агрессивные выходки и оскорбления, — говорю я тихо и спокойно.

И вдруг я понимаю. Чётко и ясно. Вместе с отъездом детей, с моим разрешением отпустить их с отцом, со мной случилось что-то важное. Я смогла освободиться. Освободиться от этой вечной, вьёвшейся в кости вины перед матерью, которая годами гнобила меня словами о том, что я предательница, что я любила отца больше, чем её, что я неблагодарная дочь.

Этот груз свалился с плеч, и теперь я стою перед ней легкая и пустая, готовая отразить любой её удар.

— Это они у тебя научились! — шипит она мне в лицо и внезапно хватается за плечи.

Её пальцы, костлявые и сильные, как тиски, впиваются в меня сквозь тонкую ткань блузки, сжимают до боли.

Она зло выдыхает в моё лицо.

— Я надеюсь, что в итоге ты в конце концов останешься одна! Что они действительно тебя бросили, и что они со временем забудут тебя! И тогда не смей приходить ко мне и плакать, что я была права!

Скрипит зубами от бессилия:

— Ты просто терпила... И чему ты учишь детей, а? Что родную мать можно вот так бросить?

Я не отвожу взгляда.

— Через две недели я улетаю, — говорю я, — в гости к Аришке и Павлику.

— Что? — ахает мама, и её пальцы резко разжимаются, будто их ударило током. Она отступает на шаг и бледнеет. — В Англию?

— Да, — я смахиваю с плеч невидимую пыль, ощущая на коже следы её хватки, и перевожу строгий и решительный взгляд на неё. — Слетаю через пару недель. И совмещу приятное с полезным. Там ожидается выставка косметических брендов, где я смогу набраться опыта и интересных знакомств, и поставщиков сырья.

Мама молчит, но я вижу, как по её телу пробегает дрожь — злости, возмущения и, о да, самой настоящей зависти. Затем она вновь делает резкий шаг ко мне и рывкает, тыча пальцем в мою грудь:

— Я полечу с тобой!

— Эту поездку, отель, участие в выставке, самолёт туда-обратно в первом классе... — медленно, наслаждаясь моментом, перечисляю я, — мне оплачивает мой бывший муж.

— Пусть оплатит и мне! — в ярости шепчет мама, её глаза становятся совсем безумными.

Я наклоняюсь к ней, заглядываю в её обескураженные и злые глаза.

— Он не станет тебе ничего оплачивать. А знаешь почему? Потому что ты его детей называешь предателями и доводишь каждый раз до слёз и истерик.

— А у тебя нет ни гордости, ни женской ценности! — кривит губы мама, её голос срывается на визг. — Подачки от бывшего мужа принимаешь!

— Ты сама была только что готова принять подачки от моего сына, — раздаётся с порога бархатный, насмешливый голос.

Входная дверь, которую мама не закрыла, распахнута, и на пороге возникает Елена Ивановна. Моя бывшая свекровь. В её руках — коробка с тортиком.

Ее я тоже не ждала. Проклятье.

Она улыбается, её взгляд скользит по моей матери с лёгким, непередаваемым презрением.

— Но увы... — она делает шаг вперёд, и дом наполняется ароматом её цветочных духов. — Это я полечу с твоей дочерью в Англию. И нам уже готовят гостевые комнаты...

— Я остановлюсь в гостинице, — тихо возражаю я.

— Не знаю, — бывшая свекровь пожимает плечами и гордо плывет мимо моей ошарашенной мамы, — мне Арс сказал, что мы остановимся у него в гостях.

17

Мир сужается до яркого пятна зала прилёта. Гул голосов, скрежет колёс чемоданов по плитке, объявления по-английски — всё это превращается в фоновый шум, словно кто-то вывернул регулятор громкости жизни на ноль.

— Мама, мама! — Ко мне с криками кидается Арина и крепко обнимает так крепко, что выпускает из меня весь воздух.

Её руки, тонкие и сильные, сдавливают меня, а маленькое тело прижимается ко мне, безраздельное и родное.

Пахнет яблочным шампунем и чем-то новым, незнакомым — наверное, влажным лондонским воздухом.

Рядом со мной сердито вздыхает Елена Ивановна, моя бывшая свекровь, которая не очень довольна тем, что Арина в первую очередь кинулась с объятиями ко мне. Она устало и ревниво поправляет волосы, закидывает свободный конец шёлкового шарфа на плечо.

— Ты ж моя хорошая, — шепчу я и обнимаю Арину в ответ, зарываюсь носом в её мягкие, уже чуть отросшие волосы и делаю глубокий вдох, пытаюсь запечатлеть этот миг, этот запах.

Нахожу взглядом Павлика. Он мнётся в шаг от меня. Неуклюжий, с новым, взрослым выражением на ещё детском лице. Руки засунуты в карманы узких джинс, взгляд отведён в сторону, но я вижу, как дрожит его поджатая губа.

Протягиваю к нему руку, хватаю за рукав тёплого свитера и рывком притягиваю к себе, чтобы и этого нескладного, недовольного подростка обнять и прижать к себе.

Мне кажется, что он за эти три месяца точно подрос.

Чувствую, как по щекам катятся горячие слезы тоски, которые я так долго сдерживала. Расцеловываю, хаотично, жадно лицо Аришки, её лоб, щёки, и щёки фыркающего Павлика.

Но Павлик, пусть и фыркает, и делает вид, что ему неловко, не отталкивает меня. Его рука неуверенно похлопывает меня по плечу.

— Арсюша, может быть, ты ко мне кинешься со словами «мама, мама»? — вновь недовольно вздыхает рядом Елена Ивановна. — Я завидую.

И сквозь свои всхлипы, сквозь горячий шёпот Аришки о том, что она сильно-сильно соскучилась, и гул аэропорта, я слышу уверенные, знакомые шаги.

Краем глаза вижу, как высокая, тёмная тень наклоняется к Елене Ивановне и со словами «Привет, мама» обнимает её.

— Привет, мой хороший, — сдавленно, но смягчённо отвечает ему Елена Ивановна.

Арина и Павлик отстраняются от меня, отходят на шаг и открывают ко мне путь для Арсения. Он же тоже должен со мной поздороваться.

Арсений разворачивается в мою сторону и улыбается.

И в этот момент мир для меня замирает окончательно. Гул голосов исчезает, растворяется белый свет аэропорта, и я не вижу ничего, кроме него. Сердце подскакивает к корню языка, застревает там на мгновение и падает куда-то в пустой, холодный желудок.

Он гладко выбрит, аккуратно подстрижен, причёсан. Одет в светло-серые брюки и рубашку-поло цвета морской волны, поверх которой накинута тёмно-синий шерстяной кардиган.

Выглядит он уютно, по-домашнему тепло, и я ловлю себя на дикой, стремительной мысли, что хочу нырнуть под этот кардиган, обнять его, вдохнуть терпкий, знакомый запах его тела и кожи, почувствовать его заботливое и безопасное тепло.

Но эта мысль исчезает. Потому что я слышу тихий, сладковатый голосок Насти.

— Наконец-то вы прилетели.

Из-за спины Арсения появляется Настя. В шерстяном клетчатом платье, с такой же неловкой, виноватой улыбкой.

Тут в игру вступает вновь Елена Ивановна, которая торопливо делает выпад в сторону Насти, хватая её за руку и шепчет с деланной паникой:

— Отведи меня, срочно в туалет, а то я обоссусь!

— Но... — пытается ей возразить Настя.

— Милочка, я еле-еле терплю! Покажи мне, где здесь туалет, сама я тут потеряюсь! — Она дёргает на себя Настю, которая обречённо вздыхает, кидает жалостливый, извиняющийся взгляд на Арсения и торопливо уводит мою бывшую свекровь в толпу незнакомых людей.

Мы остаёмся втроём. Вернее, вчетвером. Дети, он и я.

Такой план и был у Елены Ивановны?

Арсений делает шаг ко мне, его руки слегка приподнимаются для приветственного объятия. Инстинктивно, почти рефлексивно, я предотвращаю наше столкновение. Моя рука стремительно выныривает вперед, и я перехватываю его ладонь в сухое, холодное рукопожатие. Неловко улыбаюсь, чувствуя, как губы дребезжат.

— Привет, Арсений. Рада тебя видеть.

Он замирает. Его пальцы на секунду сжимают мои, тёплые и твёрдые. Я вижу, как в его тёмных, всё таких же пронзительных глазах пробегает тень понимания. Понимания, что я не хочу принимать от него объятия. Он слабо улыбается в ответ.

— Я тебя тоже рад видеть.

Но неожиданно его рукопожатие становится крепче, сильнее. Он не отпускает мою руку, и его вторая рука мягко, но настойчиво ложится мне на плечо, приобнимает. Он слегка притягивает меня к себе. Его кардиан пахнет дорогой шерстью и тем самым древесным одеколоном, который он так и не думает менять.

Это его запах.

— Что ж ты как неродная-то, а? — тихо говорит он, и его дыхание касается моего виска. — Это правило нашей семьи. При встрече мы все друг друга обнимаем.

Только я не помню такого правила.

Наверное, его придумала Настя.

18

Холодный влажный воздух обволакивает меня, пробираясь под воротник пальто.

Я стою под серым навесом аэропорта. На улице — мелкий противный дождь и одновременно туман. Воздух густой, пахнет выхлопными газами, мокрым асфальтом и чужим городом.

Рядом суетятся мрачные, сурового вида водители, загружая гору чемоданов моей бывшей свекрови в багажник черного внедорожника.

Вторая машина, тоже черный внедорожник, уже ждет меня. Я вижу, как Аришка, прилипшая лбом к стеклу, нетерпеливо машет мне рукой. Ее лицо, такое родное и яркое, кажется единственным живым пятном в этом унылом пейзаже.

Настя подходит ко мне. Она смотрит на меня с притворным, до тошноты сладким участием.

— Почему ты не хочешь у нас остановиться? — наивно спрашивает она, округляя свои большие голубые глаза. — У нас большой дом и две гостевые спальни. В одной ты, в другой — мама Арсения.

Я прищуриваюсь, вглядываюсь в ее красивое, улыбчивое лицо, пытаюсь найти за ним правду. Какой ее ход? Что она задумала? Не может же она быть настолько святой, чтобы искренне хотеть видеть под своим кровом бывшую жену мужа.

Нет, не верю. В ее глазах, за маской доброты, я замечаю холодный, расчетливый блеск. Она явно что-то задумала.

— Аккуратнее! — рявкает Елена Ивановна на одного из водителей, который с недоумением хмурится на нее.

Арсений, подкатывая очередной чемодан, вздыхает:

— Мама, они по-русски не понимают.

— Ну, так переведи! — нетерпеливо отмахивается она.

Я делаю глубокий вдох, чувствуя, как холод сковывает не только пальцы, но и что-то внутри.

Стараюсь, чтобы мой голос звучал ровно и четко, сквозь нарастающий гул в висках.

— Настя, Арсений может не совсем понимать, что происходит и что он делает сейчас. Что ставит нас в очень неудобное положение друг перед другом. — Я произношу это медленно, четко проговаривая каждое слово. — Мужчины в этом плане не очень умные. Ты это понимаешь?

Настя хмурится, ее бровки домиком. Она берет мою руку в свои теплые, ухоженные пальцы. Ее прикосновение заставляет меня внутренне содрогнуться.

— О каком неудобном положении ты говоришь? — ее голос — милый шепот, полный притворного непонимания. Она расплывается в улыбке. — Я знаю, что ты для него близкий и родной человек. Ты ему, как сестра

Она делает крошечную, в миллисекунду, паузу, но мне ее достаточно. Удар нанесен. Притворяется, что не понимает? Нет. Она дает мне понять мое место. Близкий. Родной. Как сестра.

Я медленно приподнимаю бровь, чувствуя, как по спине бежит холодок ярости.

Вот оно. Она задумала меня унижить, показать, что не видит во мне ни угрозы, ни соперницы. Просто нечто нейтральное, безопасное, почти родственное. И да, это больно. Унизительно больно.

— Раз ты для Арсения как сестра, — тихо, но внятно продолжает Настя, сжимая мою холодную руку чуть крепче, и в ее взгляде проскальзывает тот самый женский вызов, — то и мне ты как сестра. — Она доброжелательно смеется и слегка поддается ко мне, будто делится секретом. — Знаешь, я всегда мечтала о сестре. О старшей сестре.

Какой абсурд. Какая жуткая, нелепая пародия на семью.

— Мама! — из машины доносится голос Аришки. — Мы с Павликом решили, что не отпустим тебя в отель!

— И нечего делать вашей маме в отеле, — строго подключается к разговору Арсений. Его взгляд, тяжелый и знакомый, останавливается на мне. — Тем более, ты же сама никогда не любила отели. Всегда называла их бездушными и очень неудобными.

Он помнит. От этой простой фразы у меня перехватывает дыхание. Он помнит мои глупые слова, мои капризы, а я помню тепло нашего общего дома, которое он теперь дарит другой.

— Конечно, — тут же соглашается Елена Ивановна, задумчиво поправляя свою безупречную укладку. — Вдруг она там себе еще жениха найдет? — Цокая каблуками, она подходит к нам и деловито втискивается между мной и Настей, обнимая каждую за плечи. Ее духи — тяжелые, цветочные — перебивают свежий аромат Насти. — Или вы, девочки, боитесь того, что не поделите Арсения? — Она смотрит то на меня, то на Настю, и ее взгляд — стальной, полный старческого ехидства.

Бабка, похоже, развлекается.

Настя слишком самонадеянно фыркает и отмахивается.

— Ой, вы такая смешная! Я не боюсь.

Она ловко высвобождается из-под руки свекрови и плывет к Арсению. Легко встает на цыпочки и целует его в губы.

Показуха. Откровенная, циничная показуха специально для меня. Он на автомате обнимает ее за талию и целует в ответ, в висок. Моя бывшая свекровь внимательно следит за этой сценой, а затем поворачивает ко мне свое ухоженное лицо, вглядываясь в мой напряженный профиль.

— Или все-таки в отель поедешь? — шепчет она мне, и в ее голосе слышна не просто насмешка, а настоящий азарт.

Я чувствую, как почва уходит из-под ног. Дети ждут в машине. Арсений смотрит на меня с каким-то непонятным ожиданием.

Настя, прильнув к нему, бросает на меня взгляд, полный торжества и скрытой насмешки.

Нет. Я не дам им насладиться моим побегом. Не дам Насте почувствовать, что она меня выжила. Горечь поднимается к горлу, но я глотаю ее.

— Раз хозяйка дома так настаивает на том, чтобы я остановилась под ее крышей, — медленно поворачиваю я лицо к Елене Ивановне и расплываюсь в улыбке, которая должна скрыть всю мою боль, — то кто я такая, чтобы отказаться от такого приглашения? Это было бы невежливо.

Елена Ивановна одобрительно хмыкает и понижает голос до заговорщицкого шепота, наклоняясь ко мне:

— Хочешь довести Настю до того, чтобы она тебя сама с криками выгнала?

Я наклоняюсь к ней в ответ, и моя улыбка становится острой, почти зловещей.

— А может, мне просто любопытно, как теперь живет мой бывший муж. Может, я должна убедиться, что он счастлив и попал в хорошие ручки.

Моя бывшая свекровь расплывается в невозмутимой, хитрой улыбке.

— А если он попал в плохие ручки? — Вопросает она, прищурившись. — Ну, еще сам этого не понял. То что тогда?

Она смотрит на меня прямо, и в ее глазах читается немой вопрос, полный какого-то старческого, испепеляющего цинизма:

— Будешь спасать моего сыночка?

19

Я не покажу им. Ни за что.

Я не покажу Полине, что ее присутствие здесь, в моем доме, выбешивает меня до красных пятен перед глазами.

Не покажу Арсению, что его предложение «пусть остановится у нас» ударило по моему самолюбию.

Да, я не дам ему и тени сомнения.

Никаких сомнений в его любви ко мне. Никаких сомнений в том, что Полина для него — лишь история.

Пройденный этап. Она — просто очень родной человек, мать его детей. Любая другая могла бы быть на ее месте. В ней нет ничего особенного. Я буду повторять это про себя, как мантру, пока не поверю. Пока все вокруг в это не поверят.

Я делаю глубокий вдох. Воздух в коридоре пахнет едва уловимым ароматом ванили из диффузора — моей старательной попыткой создать уют.

Я выдыхаю, заставляя уголки губ поползти вверх в тренированную, мягкую улыбку. Она должна выглядеть естественно.

Поворачиваю ручку и заглядываю в гостевую комнату. Полина стоит посреди спальни, неуверенная и тихая. Ее пальцы бесцельно теребят край кардигана.

— Я очень рада, что ты согласилась остаться у нас, — говорю я, и мой голос звучит нарочито светло. — У нас тут очень уютно, правда?

Полина вздрагивает и переводит на меня взгляд. Ее глаза, такие же усталые, как и год назад, выдают внутреннюю бурю, но она пытается ей противостоять. Ее губы растягиваются в натянутую, слабую улыбку.

— Да... Спасибо, Настя. Очень мило с твоей стороны.

Она прячет руки за спину, и этот жест такой детский, такой беззащитный, что во мне на секунду шевелится что-то похожее на жалость.

Я тут же гоню это прочь. Нет. Она не заслуживает моей жалости. Она заслуживает того, чтобы видеть мое превосходство. Мой покой.

— Еще я зашла узнать, разбудить ли тебя завтра к завтраку или дать выспаться с дороги? — продолжаю я, делая шаг внутрь.

Мне важно продемонстрировать свое право здесь хозяйничать. Мое право готовить завтраки, которые раньше она готовила.

— Разбуди, если сама не проснусь, — тихо отвечает Полина, опуская глаза на чемодан, стоящий у ног.

Искренне надеюсь, что ей сейчас невероятно неловко. Что она мечтает сбежать из этого дома, где пахнет мной и нашей с Арсением жизнью.

Что она сгорает от зависти, глядя на меня — настоящую хозяйку, которая теперь готовит завтраки для ее детей и для мужчины, который когда-то был ее мужем.

Она обязательно должна увидеть, какими завтраками я научилась радовать Арсения. Она должна оценить мои кулинарные успехи и позавидовать. Позавидовать по-черному.

Внезапно дверь со скрипом приоткрывается, и в проеме возникает Аришка. В одной руке она сжимает лапу потрепанного плюшевого медвежонка, а другой протирает сонные глаза.

— Я с мамой буду спать, — заявляет она деловито и, не обращая на меня внимания, подбегает к кровати, вскарабкивается на нее и утыкается лицом в подушку. Потом поворачивается к Полине, и ее личико озаряется ожиданием. — Ты мне еще сказки должна.

Полина замирает на секунду, а потом неожиданно издает звонкий, почти жизнерадостный смех.

Она садится на край кровати рядом с дочерью, и ее лицо смягчается той самой материнской нежностью, которую не подделать.

— А я думала, ты уже большая для сказок, — с улыбкой говорит она, заглядывая в сонное личико дочери.

Арина сердито трясет головой, и ее тонкие косички разлетаются.

— Вовсе нет! Я люблю сказки!

Я смотрю на эту идиллическую картину, и что-то тяжелое и холодное поворачивается у меня внутри.

Как? Как ей удалось сохранить это? Я так рассчитывала, что она, обиженная женщина, брошенная жена, запретит детям ехать, настроит их против отца, а потом и против себя самой.

Она должна была вести себя как ее мать — оскорбленной, вечно ноющей жертвой, которая душит детей своей болью.

Но в Полине нет этой обиды. А в ее детях — ни капли вины перед ней. Они искренне ждали ее приезда, они рады ей, а она — им.

Сейчас, глядя на них, я чувствую себя чужой. Лишней. И самое горькое — мои месяцы стараний, попыток купить их любовь дорогими игрушками и походами в парки развлечений, не увенчались успехом.

Они относятся ко мне хорошо, но... как к старшей подруге, веселой тете Насте. Не больше. Они никогда не будут смотреть на меня так, как сейчас смотрят на свою мать — с безграничным доверием и обожанием.

И все потому, что Полина оказалась мудрее. Она не стала рвать связь. Не стала отравлять их души упреками. Она переиграла меня. И теперь Аришка с неподдельным восторгом ждет сказки на ночь от мамы, а не от меня.

— Тогда я вам не буду мешать, — говорю я тихо, и мой голос все еще звучит по-доброму, почти нежно.

Я отступаю, медленно, бесшумно закрываю дверь. Когда тяжелая деревянная панель окончательно скрывает от меня трогательную сцену, я позволяю себе наконец сжать кулаки.

Так крепко, что коротко стриженные ногти впиваются в влажные ладони, вызывая острую, ясную боль. Она отрезвляет. Она не дает кричать.

Полина хитра. Но я буду хитрее. Я все равно выведу ее на чистую воду. Заставлю сорваться, закричать, обвинять. Я

разрушу эту идиллию между ней и детьми, и Арсений наконец увидит, какая она на самом деле — не идеальная мать, а просто женщина, которая играет роль. Играет слишком хорошо, но это всего лишь роль.

Сдавленно вздохнув, я иду по темному коридору. Из второй гостевой комнаты доносится недовольный ворчливый голос Елены Ивановны.

— Ох, не нравится мне этот ваш Лондон, — говорит она с нескрываемым раздражением.

Я приоткрываю дверь и заглядываю внутрь. Елена Ивановна, вся в шелках и кружевах, с силой вытряхивает из чемодана ночную сорочку и швыряет ее на кровать. У окна, скрестив руки на груди, стоит мрачный Арсений. Его профиль в полумраке кажется высеченным из камня.

— Вот не нравится он мне, — повторяет свекровь, подходя к сыну. — Дожливо, дышать нечем, промозгло. Все серое! Когда вы уже вернетесь в Россию, а?

Арсений проводит пальцами по переносице, знакомый жест усталого раздражения. Я тихо вхожу в комнату, и мое присутствие заставляет их обоих повернуть головы.

— Наверное, нам придется задержаться здесь немного подольше, чем мы планировали, — говорю я ровным, спокойным голосом, глядя прямо на Арсения.

20

На часах 5:30 утра.

Я ещё не проснулся до конца. В висках тяжёлый, тёплый гул, а в голове — плотный туман, из которого не могу вынырнуть. И сквозь этот туман проступают обрывки сновидений, навязчивые и яркие.

Мне снилась Полина.

Она обнимает меня, и её щека прижата к моей груди. Я чувствую тепло её кожи сквозь тонкую ткань моей старой футболки, тот самый, родной запах — чистого тела и лёгких, едва уловимых духов — что-то простое, легкое, с ноткой ванили.

И я в этих грёзах... я счастлив.

Беззаветно и глупо. Я смеюсь, говорю ей что-то, целую макушку. В этом сне нет Насти.

Совсем. Мой спящий мозг, предательский и жестокий, начисто стёр её, вернув меня в прошлое, где были только я, Полина и ее тёплые и уютные объятия.

В этих объятиях мне всегда было... сладко. И безопасно.

Я с силой провожу рукой по лицу, пытаюсь стереть призрачные ощущения. Сердце колотится неровно, предательски сжимаясь от тоски.

Чёрт. Это был всего лишь сон. Но слишком уж реальный.

Сбрасываю с себя одеяло. Прохладный воздух спальни обволакивает разгорячённое тело. Настя спит, повернувшись ко мне спиной, её светлые волосы растрепаны по подушке. Она проснется позже.

Она тихо посапывает. Я осторожно, без лишней возни выбираюсь из кровати и крадусь к двери.

В доме царит предрассветная тишина, густая и звенящая. Пол холодный под босыми ногами. Я иду на кухню, включаю свет.

Яркий луч люстры больно бьёт по глазам. Я шурюсь.

Лезу в один из верхних ящиков, нащупываю знакомую ручку. Моя старая турка, медная, потёртая до блеска. Её вес в руке — привычный.

Начну утро с привычного для меня ритуала.

Подхожу к окну, раздвигаю плотную портьеру. На улице, как и почти всегда здесь, пасмурно и туманно.

Серое небо почти сливается с серыми стенами домов напротив. Мелкий, противный дождик сеет на мокрый асфальт. Я, если честно, уже устал от этой вечно дождливой и мрачной погоды. Она навеивает тоску, давит на психику, как тяжёлое, мокрое одеяло.

Перехватываю турку поудобнее. Я никогда не любил кофе из кофемашины. Привычка варить его самому, в настоящей турецкой джезве останется со мной навсегда.

Я считаю, что самый вкусный, самый душистый и бодрящий кофе можно приготовить только так. Это целый ритуал, медитация.

Отставляю в сторону джезvu и лезу в нижний ящик. Рука нащупывает ручную кофемолку и банку с зёрнами.

Стараюсь быть бесшумным, ведь весь дом ещё спит.

Да. Я должен выпить кофе. Сейчас. Прямо сейчас. Мне нужно выгнать этим горьким, крепким напитком из головы сладкие, предательские мысли.

Воспоминания о поцелуях жены. О её смехе. О том, как она, бывало, подходила сзади, когда я стоял у плиты, и обнимала меня, прижимаясь щекой к спине.

Да, это был всего лишь сон. Но в нём мне было так хорошо. Тепло. Солнечно. И беззаботно. Я давно уже не испытывал ничего подобного наяву. Обычно мои сны безлики, и я их не запоминаю.

— Папа?

Слышу сонный голосок за спиной. Оборачиваюсь. Моя дочка, Аришка, проскальзывает на кухню. С тихим щелчком, закрывает за собой дверь. Замирает, прислушиваясь к тишине. Она тоже не хочет никого будить.

На цыпочках подходит ко мне и поднимает на меня своё сонное, но уже улыбочное личико. Глаза, точь-в-точь Полинины, смотрят на меня с безграничным доверием.

— Маме тоже сварь кофе, — шепчет она.

Затем трёт кулачком глаза, зевает во весь свой маленький рот и улыбается ещё шире.

— Сваришь, да?

Полина тоже любит пить по утрам кофе.

Да, Поля... Полина обожала мой кофе. Всегда говорила, что ни в одной, даже самой пафосной кофейне, ей никогда не могли сварить «тот самый» кофе, который приятно горчит на языке и с той крепостью, от котороц с утра хочется покорять весь мир.

А Настя... Настя крепкий кофе не любит. По утрам она чаще пьёт чай. С молоком.

Нет, она не обязана любить кофе. Я никогда не требовал этого. Но сейчас, глядя на медную турку, во мне вспыхивает острая, режущая тоска по тем утрам. По тем утрам, когда я варил кофе на две чашки. Нас двое. На всю жизнь.

Но оказалось, что не на всю жизнь. Оказалось, что я могу устать от любимой жены.

Оказалось, что ее объятия перестали согревать

— Ты сварь кофе, а я его отнесу маме, — деловито заявляет Аришка и подтягивается.
— С печеньками.

Она приоткрывает ящик у холодильника, где мы храним сладости, и начинает рыться в пачках печенья. Вытаскивает несколько, хмурится, выбирая.

Не знает какое печенье выбрать. С шоколадной крошкой? С овсяными хлопьями? Или с вкраплениями разноцветных драже?

Смотрю на неё, и что-то сжимается у меня внутри, в самой глубине, там, где, казалось, уже ничего не осталось, кроме лёгкой, привычной пустоты.

Мои дети скучали по Полине.

Не просто по маме, а по той, особенной атмосфере, что она приносила с собой. И с её приездом в этот унылый, серый, чужой дом, Полина привезла с собой ту самую, материнскую, безусловную любовь, которая смогла согреть эти холодные лондонские стены за ночь. Я с Настей за несколько месяцев не смогли, а Полина — да.

И я чувствую это всем телом, всей кожей — её присутствие в этом доме. Она не просто в гостевой комнате. Она везде. В воздухе, который теперь пахнет иначе.

Вернулась не просто женщина. Вернулась Мама. И этот дом, наш новый дом с Настей, вдруг снова стал её домом. Пусть и на неделю.

— Папа! — строго говорит Аришка, схватив в итоге пачку печенья с шоколадной крошкой, и поднимает на меня сердитый, нетерпеливый взгляд. — Вари кофе. Мама проснётся, а у нас ничего не готово.

Я медленно киваю. Поворачиваюсь к плите, включаю конфорку. Синее пламя с тихим шипением вырывается навстречу медному дну турки.

Да. Надо варить кофе. Для Полины.

21

Я сплю. В нем нет ни Арсения, ни Насти, ни Лондона — только тишина и забвение. Но что-то нарушает эту хрупкую идиллию.

Сначала скрип двери, едва слышный, а потом — ледяной порыв воздуха под одеялом.

— Холодно, пипец, — сиплым, спросонок голосом бормочет Павлик и ныряет ко мне под одеяло, как неуклюжий олененок.

Он тяжело вздыхает, зевает во весь рот, и я чувствую, как его холодный нос утыкается и зарывается в мои волосы, ища тепла.

Через секунду его дыхание выравнивается, становится глубоким и ровным — он снова проваливается в дремоту, тихо посапывая.

Я приоткрываю один глаз. В комнате серо. Не просто утренней серостью, а промозглой, пронизывающей.

Тусклый свет едва пробивается сквозь плотные портьеры, выхватывая очертания комода, тумбочки, висящей на стуле одежды. И правда, очень холодно. Не спасает даже теплая, фланелевая пижама и, казалось бы, непробиваемо толстое шерстяное одеяло.

Я инстинктивно обнимаю сына, прижимаю его к себе, чувствуя под пижамой колючую ткань его свитера.

— Ты же уже взрослый, — шепчу я, уткнувшись губами в его макушку.

Пахнет сном и мылом.

— Сейчас маленький, — сквозь сон, не открывая глаз, отвечает Павлик и вжимается в меня еще сильнее. — И в такую холодрыгу я маменькин сынок.

Он шмыгает носом и тоже приоткрывает один глаз, влажный и сонный:

— Я сегодня спал в свитере и в теплых носках. Беспредел.

— Вот и пришёл к мамочке согреться, — тихо смеюсь я, и смех выходит сдавленным, горловым. Я натягиваю одеяло, накрывая его плечи, строя из нас маленький, теплый кокон.

— Арина вообще всю ночь с тобой спала, — хмыкает Павлик и закрывает глаза, будто это обвинение требует огромных душевных сил. — Она меня долго упрашивала, чтобы я не мешал. Вот я ей не мешал.

— Соскучился, что ли? — хитро спрашиваю я и улыбаюсь.

Павлик фыркает и неуклюже отворачивается от меня. Прячет ладони под подушку.

— Нет, просто замёрз, — сердито бубнит он.

Я не могу сдержать новый смешок и обнимаю его крепче.

— А я вот соскучилась, — говорю сыну в макушку, и голос мой вдруг становится тихим и серьезным. — Сильно-сильно соскучилась.

И я материнским сердцем, каждой клеткой кожи, чувствую, как Павлик все же улыбается. Не широко, не по-мальчишески дерзко, а потаенно, уголком рта, пряча улыбку в подушку. Но она есть.

И от этого в моей холодной груди расцветает маленький, хрупкий, но такой живой цветок тепла.

В этот момент вновь скрипит дверь. Я оглядываюсь через плечо, и в спальню несмело, на цыпочках, заходит Арина. В руках она держит белый керамический поднос, а на нем, как драгоценность, стоит высокая чашка, из которой в такт ее шагам волнисто валит густой дымок.

И я чувствую его — терпкий, горьковатый, божественный запах кофе. Рот мгновенно заполняется слюной.

— Кофе для мамы, — широко, победоносно улыбается Аришка, и я удивленно вскидываю бровь.

Приподнимаюсь на локте, нечаянно стягивая с плеча Павлика одеяло. Он фыркает, как рассерженный котенок, и натягивает одеяло обратно, бурча в подушку:

— Дайте поспать.

— Вот и иди у себя и спи, — парирует Аришка и чинно, стараясь не расплескать содержимое чашки, топает к кровати. — А у нас сейчас по расписанию кофепитие.

Она подходит, протягивает поднос, и я замечаю, как у нее начинают дрожать руки от напряжения и тяжести. Я торопливо, почти хватаю, забираю чашку с блюдцем.

Горячий фарфор обжигает пальцы. Аришка ставит мне на живот маленькое блюдце с тремя круглыми печеньками, а после, облегченно выдохнув, кладет поднос на прикроватную тумбу.

Она закидывает за плечи две косички с сиреневыми резиночками. Обратно забирается в мою кровать, с другой стороны, и прячется под одеяло, прижимаясь ко мне холодными ногами.

Я подношу чашку к лицу, закрываю глаза и делаю глубокий, медленный вдох. Густой, терпкий аромат с нотками ореха и темного шоколада обволакивает меня изнутри, прогоняет остатки сонливости, обещая пробуждение.

Я подношу чашку к губам, делаю маленький, осторожный глоток и замираю.

Потому что в этом вкусе я узнаю Арсения.

Я не знаю, как объяснить эту магию, но я всегда, всегда узнаю кофе, которое варит мой бывший муж. Будто он в этот простой, бытовой процесс вкладывает какую-то неуловимую частичку самого себя — свою твердость, свою пряность, свою неизменную, пусть и жестокую, прямоту.

Пусть он сам лично не зашёл пожелать мне доброго утра, не обнял, не посмотрел в глаза.

Но я чувствую его присутствие. Теперь, на своем языке, языке вкуса и обоняния. Я делаю новый, более смелый глоток, и о боже, как же я соскучилась по этому кофе.

Все эти месяцы мне отчаянно не хватало в жизни именно этих терпких, горьковатых ноток, этой бодрящей, почти болезненной ясности, которую он дарит.

Новый глоток прогоняет внутренний холод, в груди разливается густое, согревающее тепло. Я хочу закрыть глаза, откинуться на подушки и медленно, смакуя, прожить этот момент, это маленькое тайное свидание с призраком нашего прошлого.

Но дверь снова скрипит, на этот раз резче, и в комнату заглядывает сонная, но уже сердитая Елена Ивановна. О

на торопливо юркает внутрь и с щелчком запирает дверь за собой, будто опасаясь погони. На ней теплый стеганный халат цвета пыльной лаванды, а на голову, поверх идеальной вечерней прически, которая, кажется, не пострадала даже во сне, накинута капюшон.

Шаркая мягкими тапочками, она семенит к кровати. Ее взгляд, острый и всевидящий, скользит сначала по мне с чашкой в руках, потом по выглядывающей из-под одеяла макушке Павлика, потом переводится на Аришку, которая уже сопит, уткнувшись мне в плечо.

Она хмурится, и на ее лице появляется выражение глубокой, почти комической обиды.

— Вы уже взрослые, чтобы спать с мамой, — заявляет она, и в ее голосе слышна неподдельная брезгливость.

— А ты завидуешь, что ли? — тихо и ехидно, прямо в подушку, спрашивает Павлик и зевает так, что слышно, как хрустят его челюсти.

Елена Ивановна молчит, скрестив руки на груди. Ее пальцы, с идеальным маникюром, постукивают по локтю. Затем она честно и сердито отвечает:

— Конечно, завидую. Я ведь тут тоже замёрзла как цуцик.

И, не дожидаясь приглашения, она садится на угол моей кровати. Она вновь нервно поправляет капюшон на своей голове и переводит на меня серьезный, тяжелый взгляд.

— Мне надо с тобой серьезно поговорить, Поля. Я всю ночь не спала.

— Да вы что, — усмехаюсь я в свою чашку, делаю еще один глоток спасительного кофе. Аромат Арсения дает мне силы. — А я вот спала хорошо.

Но ее лицо не меняется. Оно остается мрачным и озабоченным.

— Но это не отменит нашего серьезного разговора, — мрачно заявляет она и разворачивается в мою сторону всем торсом. — Пей кофе и слушай.

22

Я делаю глоток терпкого кофе, и его знакомый, горьковатый вкус на секунду отвлекает от нарастающей тревоги.

В ожидании смотрю на бывшую свекровь. Елена Ивановна сидит на краю моей кровати, немного суетливо поправляет складки своего стеганого халата цвета увядшей лаванды.

Ее пальцы, с безупречным маникюром, нервно теребят мягкую ткань. Затем она делает глубокий, шумный вдох, будто готовясь к прыжку, и заявляет:

— Мне здесь не нравится.

Я опускаю чашку, придерживая ее теплые бока у самых губ, чувствуя исходящий от нее жар.

— Да мы тут даже суток ещё не провели, — осторожно замечаю я.

— А мне не нравится, — упрямо, как капризный ребенок, повторяет она. Ее глаза сверкают решительным неприятием. — Тут серо, мокро, промозгло. Не нравится мне тут, и моё первое впечатление всегда правдиво.

Комната и правда залита серым, безжизненным светом. За окном, затянутым плотной пеленой тумана и дождя, смутно угадываются силуэты чужих домов.

Уныленько.

— Ну, допустим, — медленно киваю я, чувствуя, как по спине пробегает холодок.

Павлик прячется под одеялом с головой. Что-то ворчит. С другой стороны Аришка, словно чувствуя нарастающее напряжение, сонно причмокивает и ныряет глубже, прижимаясь ко мне холодным носом.

— И жить я тут точно не смогу, — категорично заявляет Елена Ивановна, с резким движением поправляет седые волосы, выбившиеся из-под капюшона, и сердито отворачивается, уставившись в запотевшее окно.

Я пока не совсем понимаю, к чему она ведет этот странный, полный скрытого смысла монолог. Поэтому не перебиваю, а просто внимательно слушаю и пью кофе.

Каждый глоток — капля спокойствия, капля Арсения.

— Плюс ко всему, здесь все на этом английском разговаривают, — фыркает она, закатывая глаза с таким драматизмом, будто ей предложили выучить язык марсиан. — А я уже старая для того, чтобы учиться чему-то новому

— Так... — медленно тяну я, чувствуя, как тревога начинает шевелиться в груди тяжелым, холодным камнем.

Елена Ивановна вновь резко разворачивается ко мне, и я невольно вздрагиваю от неожиданности, едва не расплескав кофе.

— Если мы с тобой не вмешаемся, — она понижает голос до сдавленного, интимного шепота, и ее глаза становятся круглыми от ужаса перед некой грядущей катастрофой, — то они тут останутся жить насовсем.

Я в недоумении приподнимаю бровь. Снаружи я — невозмутимость, лед.

Но внутри, в груди, нарастает паника, резкая и тошная. Теперь понятно, к чему была вся эта злая речь о том, что ей невыносим Лондон. Похоже, Арсений с Настей вынашивают планы остаться здесь навсегда и начали уговаривать Елену Ивановну пожить тут, с ними.

— Полгода — так сая, я смогла бы прожить без своего сыночка, — продолжает она, вглядываясь в мои глаза, будто пытаясь прочесть в них согласие. — Я его отпустила на полгода. Я приняла то, что моему сыну нужно отвлечься после развода, нужно начать новую жизнь, сделать новый шаг, немножко перезагрузиться. Я все это приняла и поняла, поэтому отпустила. Но... — она возмущенно качает головой, и ее губы складываются в тонкую линию. — Если они здесь останутся навсегда, я — против.

Я молчу и медленно дышу, заставляя воздух заполнять легкие, вытесняя панику. Подхватываю пальцами печенье с шоколадной крошкой и откусываю маленький кусочек. Сладкое тесто хрустит на зубах, шоколад тает на языке, но вкус кажется пресным, пепельным. Я должна успокоиться. Я должна вести себя невозмутимо и уверенно. Для детей. Для себя.

— Я Настю приняла спокойно и без лишней истерики, — продолжает Елена Ивановна, и в ее голосе вдруг пробиваются нотки неподдельной обиды и усталости. — Понимаешь, я её никогда не сравнивала с тобой. Я никогда не говорила ей ни слова против и не говорила о том, что она разбила вашу семью. Я была... очень понимающей, адекватной женщиной. — Ее голос вздрагивает от сдерживаемой злости. — Но, видимо, зря.

Она делает паузу, давая мне осознать всю глубину ее «жертвы».

— Теперь она будет делать все, чтобы мой сын остался тут навсегда. И чтобы я осталась без сына, — моя бывшая свекровь внезапно всхлипывает, смахивает с щеки единственную, но очень эффектную слезинку.

И зажмуривается, вновь делает глубокий вдох и выдох, выравнивает дыхание. Потом капризным жестом скидывает с головы капюшон, скрещивает руки на груди, и ее взгляд становится стальным, полным решимости:

— Поэтому мы должны сломать все её планы.

— Простите? — хрипло отзываюсь я, и мой голос звучит чужим.

Она смотрит на меня как на неразумную девочку, которую ей приходится учить премудростям этой сложной жизни.

— Настя сейчас ему мозги пудрит, что ей надо по-женски полечиться. Нужно рассмотреть возможность ЭКО. Ведь тут ЭКО делают лучше, чем в России. Или предлагает даже рассмотреть вопрос суррогатного материнства. И суррогатное материнство здесь, — она делает многозначительную паузу, — легче оформить.

От ее слов по моему телу разливается ледяной ужас. Я продолжаю молчать, но пальцы так сильно сжимают чашку, что ручка вот-вот треснет.

Теперь я знаю, что у Насти есть проблемы по женской части, и что они с Арсением все равно планируют завести общих детей.

Да, это настоящая катастрофа. Новый ребенок...

Это повод для ревности Аришки и Павлика, которые из-за своего врожденного упрямства могут решить, что вот-вот потеряют отца с рождением братика или сестрички.

И из-за этих мыслей они могут решить остаться рядом с отцом во что бы то ни стало. Лишь бы не потерять его любовь. Лишь бы не потерять его заботу. И все выльется в то, что они останутся жить с папой в Лондоне на многие-многие годы, и наши встречи с ними будут редкими и невероятно болезненными. Раз в год на две недели.

Я умру.

— Сейчас мы должны играть в команде, — Елена Ивановна продолжает смотреть на меня прямо и пристально, ее глаза требуют ответа. — Я, ты и дети. Мы должны добиться того, чтобы Арсений вернулся в Россию. — Она прижимает пальцы к вискам и начинает их массировать с закрытыми глазами, будто отгоняя навязчивую мигрень.

— Я должна... увезти с собой Аришку и Павлика, — тихо, едва слышно, отзываюсь я и делаю еще один укус печенья.

Сладкое тесто приятно хрустит на зубах, но глотается с трудом. Царапает

— В верном направлении мыслишь, Поля, — одобрительно кивает бывшая свекровь, и в ее глазах вспыхивает огонек надежды. — Мы должны их увезти. И он вернется в Россию. За детьми.

— А если нет? — из-под одеяла, прямо у моего бока, раздается сиплый, сонный, но полный тревоги голос Павлика. Он выглядывает одним глазом, сердитым и ревнивым. — Вдруг все равно останутся тут?

23

Мы сидим за большим столом из красного лакированного дерева.

Настя шустрит вокруг, как белочка-хозяюшка.

Ее движения ловки, отточены, будто она отрепетировала этот утренний спектакль. Перед каждым она ставит белые фарфоровые тарелки, на которых румяные, пышные оладушки лежат идеальными стопками, щедро политые густым ягодным соусом.

Воздух в столовой густой и сладкий. Пахнет поджаристым тестом, ванилью, корицей и кислинкой ягод.

Этот аппетитный коктейль должен бы согревать душу, но за огромным панорамным окном — привычный уже лондонский пейзаж: серое небо, мокрые крыши и противный, назойливый дождь, что тихо накапывает по стеклу. От этого уныния не спасают даже яркие аппетитные пятна оладьев.

— Вот и твоя порция, Полечка, — Настя ставит тарелку и передо мной.

Наши взгляды встречаются. Ее глаза — чистые, голубые, сияют наигранной и лживой добротой.

Я хотела ей помочь, рука уже потянулась к ножу, но она мягко, но решительно отказала: «Спасибо, я сама прекрасно справлюсь!».

Конечно, справляется. Ей важно сейчас быть единственной, полноправной хозяйкой у этой плиты, в этом доме. Ей нужно доказать это всем. И в первую очередь — мне.

— Ты такая милая, — воркует она, расплываясь в широкой улыбке. — Сонная, опухшая и растрёпанная.

Я непроизвольно вскидываю бровь. Вот это комплимент так комплимент. Умилила и... обосрала с ног до головы.

Но ее слова срабатывают. Мои пальцы сами тянутся к волосам, суетливо пытаюсь пригладить непослушные пряди.

В растерянности лихорадочно соображаю: я ведь расчесывалась? Да. умылась, почистила зубы, расчесалась...

И как я могу быть опухшей? Нет, когда я умывалась в ванной, я еще отметила свое отражение: лицо довольно свежее, без синяков под глазами и отеков. Какая же она ласковая, ядовитая змея.

Настя тем временем грациозно наливает в стакан Арсения апельсиновый сок из высокого стеклянного графина. Продолжает улыбаться мне, будто мы закадычные подружки.

Рядом со мной Аришка с настоящим волчьим аппетитом разрушает стопку оладьев. Разрезает их на идеальные кусочки, обмакивает в соус и отправляет в рот, с удовольствием чавкая.

В моей груди тут же вспыхивает искра ревности. С таким же удовольствием она когда-то ела только мои блинчики!

Значит, Настя за эти месяцы не просто играла в Золушку — она реально научилась готовить. И преуспела. Я с силой сжимаю вилку.

— Да тут с такого холода весь и опухнешь, — тяжело вздыхает напротив Елена Ивановна.

— Да, здесь есть явные проблемы с отоплением, — спокойно, деловито вступает Арсений.

Он приглаживает рукой идеально уложенные волосы. На меня он не смотрит. Не смотрел вообще в это утро.

Только кивок на мое «доброе утро» и всё. Но я-то знаю. Знаю, что тот утренний кофе, что согрел мне душу, был сварен его рукой. Специально для меня.

— Мы уже несколько раз вызывали мастера. Он что-то подкручивает, стучит, но толку мало. Это проблема всего района, — недовольно цыкает Арсений.

— И что теперь, в такой холодрыге детям жить? — Елена Ивановна бросает на меня быстрый, но очень выразительный взгляд.

Это сигнал. Знак, что я должна немедленно вступить в бой, возмутиться, закричать, что не позволю своим детям мерзнуть и болеть.

Меня опережает Арсений.

— Я сейчас занят вопросом поиска нового дома.

Новый дом. Большой, теплый. Для них. Для нее. Для их будущих детей. План, выстроенный четко и неумолимо: жить-поживать и добра наживать.

На чужбине. Вдали от меня.

— Несколько вариантов уже мне очень понравились, — подхватывает Настя, очаровательно щебеча. — Надо бы с вами тоже поездить и оценить некоторые варианты.

Она адресует улыбку Елене Ивановне, но та в ответ медленно и с явной угрозой пережевывает кусок оладушка.

Я молчу. Боюсь, что из груди вырвется не слово, а оглушительный, дикий крик.

— А один дом похож на настоящий замок! — восторженно вставляет Аришка, смотря на меня сияющими глазами.

По моему телу пробегает дрожь, холодная и липкая. Чтобы скрыть панику, я отламываю кусочек оладушка и отправляю его в рот. Он будто ватный, безвкусный.

— Ясно, — тихо бурчу я, едва разжимая губы.

— А другой сдают рядом с друзьями Павлика, — поясняет Настя, переводя взгляд на моего сына.

Тот в ответ залпом выпивает свой стакан воды, глядя в окно на унылый дождь.

— Так, ну хватит! — не выдерживает моя бывшая свекровь.

Она с силой отставляет тарелку, и фарфор громко стучит о дерево стола. Затем она с размаху хлопает ладонью по столешнице. Серебряные ножи и вилки вздрагивают и звякают. Тарелки подпрыгивают. От этого внезапного выпада агрессии замирают все.

Арсений тут же напрягается, его брови сдвигаются.

— Мама, что такое?

— Что такое? — на повышенных, визгливых тонах переспрашивает Елена Ивановна и поворачивает ко мне разгневанное, багровеющее лицо. — А ты почему молчишь?!

24

— Хватит! — Елена Ивановна с силой бросает на стол салфетку. Ее лицо, обычно безупречно-спокойное, искажается гримасой ярости. — Я сказала, хватит! Мне здесь не нравится! Совсем!

Яркие оладьи на тарелках кажутся бутафорскими, ненастоящими.

Все же сдали нервы у моей бывшей свекрови.

Она вскакивает, ее стул с громкимскрежетом отъезжает назад, царапая лакированный паркет.

— Шесть месяцев! Всего шесть месяцев я была готова отпустить тебя, Арсений! На перезагрузку, на то, чтобы ты отвлекся! Но не навсегда! Я не смогу здесь жить! Я не хочу переезжать из России, бросать все! Я не хочу дышать этим промозглым воздухом и смотреть на это вечное серое небо!

Она тяжело дышит, ее грудь высоко вздымается под стеганым халатом. Ее пальцы, с безупречным маникюром, впиваются в спинку стула, костяшки белеют.

— И все это... все это задумала она! — Елена Ивановна пронзительным взглядом, полным ненависти, впивается в Настю. — Эта коварная, хитрая девчонка! Она решила оторвать тебя от семьи, от матери, от твоих корней! Чтобы ты принадлежал только ей!

Настя, сидевшая напротив меня, вся съеживается.

Она вздрагивает, как от удара током, ее большие голубые глаза наполняются мгновенными, обильными слезами.

Она испуганно всхлипывает, закрывает лицо ладонями. Я вижу, как мелко-мелко дрожат ее плечи, вижу, как по ее пальцам стекают настоящие, соленые капли.

Но что-то внутри меня, какой-то холодный, беспристрастный внутренний наблюдатель, остается непоколебим. Этим слезам я не верю. В них слишком много театральности, слишком точного попадания в образ несчастной жертвы.

— Замолчи, мама! Немедленно!

Голос Арсения — не крик, а низкий, грубый рык, полный такой ярости, что по моей спине пробегает озноб.

Он с силой бьет кулаком по столу.

Аришка и Павлик замирают. Они переглядываются, настороженные.

Они молчат, затаив дыхание, два маленьких островка в эпицентре чужого взрослого урагана.

— Ты должен вернуться домой! — вскрикивает Елена Ивановна, и в ее голосе слышны уже не только злость, но и отчаяние. — Неужели ты не понимаешь? Здесь ты чужой! Я по тебе скучаю!

— Я сам решу, где мой дом! — рявкает Арсений в ответ.

И я понимаю, что это не просто ответная агрессия на материнские истерику. Это — срыв.

Из Арсения сейчас вырвалось то напряжение, которое копилось все эти месяцы под серым, унылым, давящим небом Лондона.

Усталость от чужой страны, от необходимости начинать все с нуля, от постоянного чувства, что ты не на своем месте.

— Зачем ты обвиняешь Настю? — он переходит на повышенные тона, его взгляд. — Это было не ее решение уехать сюда! Это было мое решение! Мое!

— Ну, может быть, твое решение было уехать! — ее голос срывается на визг. — Но сейчас! Сейчас это явно она подговаривает тебя остаться! Чтобы вашему семейному счастью

никто не мешал! Ни я... — ее взгляд, полный последней надежды, обращается ко мне, — ни твоя бывшая жена!

— Настя не видит никакой угрозы ни в тебе, ни в Поле!

Елена Ивановна хочет втянуть меня в этот скандал.

Она ждет, что я подхвачу ее крики, что встану на ее сторону и обрушу на Арсения и Настю всю свою накопленную боль. Но яони бессмысленны.

Они только укрепят Арсения в его упрямстве, заставят его утвердиться в своем решении остаться тут.

— Зачем вы меня обижаете? — Настя убирает руки с заплаканного, но все равно прекрасного лица и смотрит на Елену Ивановну взглядом, полным разочарования и боли.

— О, я знаю, что ты задумала! — Елена Ивановна смеется, коротко и ядовито. Слова цедит сквозь сжатые зубы. — Ты решила прибрать к рукам не только Арсения, но и моих внуков!

— Их никто тут силой не держит! — пытается возразить Настя, ее голос прерывается новым всхлипом. — И никто силой их сюда не увозил! Им здесь было с нами хорошо и спокойно! И... и за это время никто не поднимал голоса, не было ни единой ссоры! Пока... пока вы не приехали!

Она хватается со стола тканевую салфетку, прижимает ее к дрожащим губам, громко всхлипывает и, поднявшись, почти бегом выбегает из столовой. Ее легкие шаги быстро затихают в глубине холодного дома.

— Ну надо же! — Елена Ивановна напряженно смеется, плеснув руками. — Какие мы нежные!

Она зло садится на стул, с громким скрипом придвигая его к столу. Яростно хватается вилку, отламывает огромный кусок от своего оладушка и с ненавидящим выражением лица отправляет его в рот.

— Мама, да что на тебя нашло? — возмущенно восклицает Арсений, все еще стоя и тяжело дыша.

Долгий, медленный выдох, будто пытаюсь выпустить из себя всю горечь, всю тоску, всю ревность, что клокочет внутри. Я медленно разворачиваюсь к нему. Мой голос, когда я начинаю говорить, тихий, ровный.

— Ты сейчас должен не с мамой выяснять отношения, — говорю я, глядя ему прямо в глаза. — А пойти за Настей.

Арсений смотрит на меня с недоумением и растерянностью. Он, кажется, даже не заметил, как его любимая в истерике убежала.

Я снисходительно, почти по-матерински, вздыхаю.

— Иди. И успокой Настю.

— Ты что творишь? — ахает моя бывшая свекровь и со стуком откладывает вилку. — Ты сейчас... ты сейчас прямо вредишь сама себе!

Я перевожу на нее свой спокойный, усталый взгляд. — Дайте-ка я вам кое-что объясню, Елена Ивановна, — говорю я тихо, но так, чтобы слышали все. — Я не заинтересована в том, чтобы возвращать Арсения.

Она замирает с открытым ртом. Арсений смотрит на меня с непониманием.

— Он взрослый мужчина. И он сам может решить, где ему жить. И если он хочет быть с Настей, завести с ней детей... — я делаю крошечную паузу, — то сейчас ему стоит подняться и пойти за своей женщиной. Успокоить ее.

Я перевожу взгляд на Арсения.

— Иди.

Затем я смотрю на своих детей. Аришка смотрит на меня широко раскрытыми глазами. Павлик, мрачный и нахмуренный, наливает себе новый стакан воды. Его пальцы слегка дрожат.

— И мои дети, — продолжаю я, и мой голос становится еще тише, почти шепотом, — они тоже уже довольно взрослые. И если они захотят остаться здесь... то мне тоже придется это принять.

А мой сын Павлик ставит стакан на стол с тихим, но четким стуком.

— Лично я, — говорит он глухо, глядя в свою тарелку, — хочу уже домой.

— Домой? — обескураженно переспрашивает Арсений.

Павлик твердо, почти сердито, кивает, но на отца не смотрит.

— Да, — он отодвигает свою тарелку с почти нетронутыми оладьями. — С мамой. Домой.

Елена Ивановна тайком улыбается.

25

— Что же, — тихо, почти беззвучно, говорит Арсений, — Теперь я побуду в твоей шкуре. Мы сидим в малой гостиной перед горящим камином. Он не греет, этот огонь, лишь рисует зловещие, пляшущие тени на стенах и на лице Арсения.

Всполохи пламени ясно выхватывают высокие скулы, упрямый подбородок, плотно сжатые губы.

Он не смотрит на меня, его взгляд прикован к огню, будто ищет в нем ответа.

Я кутаюсь поглубже в тёплый, клетчатый плед, но дрожь идет изнутри, от самого сердца.

Вчерашний завтрак закончился слезами Аришки и новыми криками моей бывшей све-крови. Затем моя доченька пришла ко мне в комнату. Горько поплакала у меня на плече, всхли-пывая о том, как ей жалко папу, как она будет скучать, но... тоже решила вернуться домой.

И по всей логике, я должна сейчас ликовать. Дети едут со мной. Возвращаются в наш дом, в Россию. Я выиграла эту тихую, изматывающую войну без единого выстрела.

Но в груди у меня нет ликования. Нет победы. Там, за ребрами, растеклась темная, бес-конечная печаль. Она заполняет меня всю. Каждую клеточку.

Вместе с моими детьми из Лондона, от Арсения, улетит и последняя моя частичка.

Та, что тайно надеялась, цеплялась, верила в чудо. Наверное, именно это и будет той самой окончательной точкой в наших отношениях.

Не развод, не его новая женщина. Мои дети сознательно оставляют его с Настей. Будто приняли свое поражение в борьбе за отца и согласились с тем, что папе стоит строить свою новую, отдельную жизнь. Без прошлого. Без нас.

Да, именно поэтому мне так невыносимо грустно. Даже мои дети отказались от борьбы. Они отпускают его. И если они готовы его отпустить, то и мне... пора. Пора наконец захлопнуть дверь в прошлое.

— Ты, наверное, рада тому, что улетишь из этого противного и холодного Лондона вместе с Аришкой и Павликом? — вздыхает Арсений, не поворачивая головы.

Если Арсений сейчас в моей шкуре, то теперь и я... тоже ненадолго примерю его. Теперь моя очередь успокаивать, говорить пустые слова: «ты все еще их отец», «они будут звонить», «приедут на каникулы».

Но я-то знаю, какое это слабое утешение. Я это пережила. Я знаю, каково это — остаться без громких и упрямых детей.

— Нет, — качаю головой, и голос мой звучит хрипло. Я замолкаю, снова на несколько секунд, и криво улыбаюсь Арсения в полумраке. — Мне грустно.

Я замечаю, как вздрагивают крылья его носа. Он медленно разворачивается в мою сто-рону. Тени и блики от огня в камине превратили его лицо в зловещую маску отчаяния и боли. Я даже на секунду пугаюсь его чёрного, тяжёлого взгляда.

— Почему ты такая? — глухо спрашивает он.

Я хмурюсь, не понимая его вопроса.

— Какая «такая»? — слабо улыбаюсь я.

Арсений хмурится, его брови сходятся к переносице. Он тихо поясняет:

— Знаешь, Поля... мне бы тоже было бы намного легче и проще, если бы ты злорадство-вала. Если бы ты кричала, когда я увозил наших детей. Если бы ты проклинала меня, если бы ты кидалась на меня с кулаками и устраивала громкие, некрасивые истерики... Мне было бы проще.

Он усмехается. Горько, беззвучно.

— И сейчас мне было бы легче, если бы ты позлорадствовала. Если бы ты... — он издает короткий, бессильный смешок, — если бы ты сейчас сказала, что теперь я не увижу детей.

Что ты увозишь их навсегда и надолго, что теперь они точно меня забудут. Да, — он кивает, не спуская с меня горящего взгляда, — мне было бы намного легче от этих угроз. Я бы мог злиться на тебя. Ненавидеть. Ответить тоже агрессией, а так...

У меня к глазам подступают горячие слезы. Я тяжело сглатываю ком боли, что распирает грудь.

— Ты не вступаешь в грязную борьбу за наших детей, — он скалится в обречённой улыбке, и в ней столько муки, что мне хочется вскрикнуть. — Ты их просто любишь. Ты их... по любви отпустила. Теперь по любви... увезешь.

Я сжимаю бархатные подлокотники кресла так крепко, что у меня начинают ныть суставы. От камина на меня доходит волна жара.

— Но я... — хрипло, почти шепотом, спрашивает Арсений, и его голос внезапно срывается. Он подается в мою сторону, и я вижу, как в уголках его глаз, на ресницах, вспыхивают слезы. — Я так смогу?

Передо мной не бывший муж, а отец, который теряет своих детей. И который не знает, как с этим жить. И мне вместе с ним больно.

Я с усилием воли отрываю одну ладонь от подлокотника. Рука дрожит. Я протягиваю ее к его лицу и прижимаю к его щеке. Кожа горячая, обжигающая, будто он и правда в лихорадке. Он замирает, не отстраняясь.

Я слабо улыбаюсь, чувствуя, как по моим щекам ручьем текут тихие, горькие слезы.

— А у тебя нет выбора, — шепчу я. — Тебе придется. Если ты не хочешь их потерять окончательно.

Моя ладонь на его щеке — это прикосновение к призраку нашего прошлого.

Это мое окончательное прощание с нашим прошлым.

В тишине комнаты, под треск огня, мы сидим и оба понимаем, что мы больше не муж и жена.

— И как мне быть, Поля? — сдавленно спрашивает Арсений. — Я сейчас хочу лишь кричать, всем угрожать, что никто никуда не полетит и к чертовой матери всех запер бы...

Я смеюсь, смахиваю слезы и отвечаю:

— Для начала ты должен вместе с Аришкой собрать ее чемоданы. Не я, не твоя мама, не Настя, а ты...

Арсени хрипло с надрывом выдыхает и накрывает лицо рукой:

— Я не смогу.

— А нет выбора, — я шмыгаю и прижимаю пальцы к мокрым от слез глазам в попытке успокоиться. — Готовься, будет много слез, но отпустить надо. С любовью, Арс.

26

Я стою в стороне и наблюдаю. Это всё, что мне остаётся. Наблюдать и ждать.

Воздух в зале вылета аэропорта Хитроу пронизан запахами моющих средств, чужими духами и едва уловимым запахом топлива.

Где-то надрывно гудит тележка с багажом, эхом разносятся объявления на английском языке.

Аришка горько плачет, уткнувшись лицом в грудь Арсения. Её маленькое тело сотрясают такие глубокие, раздирающие всхлипы, что кажется, оно вот-вот разорвётся.

Её розовый чемоданчик, такой яркий и наивный, брошен на пол. Яркое и насмешливое пятно среди унылой серости.

Широкие ладони Арсения с нежностью поглаживают по спине Аришку.

— Тише, солнышко, тише, — его голос — бархатный, глубокий шёпот. Он целует её в макушку, в мокрые от слёз виски, в заплаканные щёки. — Я буду звонить каждый день. Обязательно. И мы даже уроки будем вместе делать.

— Правда? — запрокидывает заплаканное лицо.

— Буде тебе еще и перед сном звонить, чтобы сказку рассказать. И ты мне звони. Хоть каждую минуту.

В нескольких шагах от них, у ряда холодных металлических сидений, стоит Полина. Она отвернулась, будто разглядывает расписание рейсов, но я вижу, как её плечи слегка вздрагивают, и как она быстрым, украдчивым движением смахивает с щеки предательскую слезу.

Она не рыдает, не привлекает внимания. Её горе — тихое, достойное, и от этого — ещё более невыносимое.

Павлик стоит ко всем спиной, его поза — сплошной протест. Руки глубоко засунуты в карманы чёрной куртки, плечи напряжены. Он зло и мрачно смотрит в стену, но я вижу, как он глотает воздух, как сжимаются его челюсти.

Он борется. Борется со слезами.

А мне... мне не грустно. Во мне бурлит ярость и ревность. Но я — актриса. Я должна сыграть свою роль до конца.

Я отвожу взгляд, делаю вид, что смахиваю непослушную прядь волос, и в это же мгновение с силой трую указательным пальцем под нижним веком. Кожа мгновенно краснеет, появляется влажное, неприятное жжение. Я тихо, прерывисто вздыхаю, заставляя голос дрожать. Надо, чтобы Арсений видел — мне тоже больно. Я — часть этой семьи. Я — страдаю.

Но внутри я кричу. Кричу от бессилия.

Она переиграла меня. Полина. Эта серая, неприметная женщина, которую я считала проигравшей лохушкой.

Я надеялась стать для Аришки и Павлика новой мамой. Не ругающей, не уставшей, не обиженной жизнью. Весёлой подружкой, от которой нет секретов, которая всегда поймёт и все разрешит. Я дарила им парки развлечений, игрушки, пиццу и суши вместо её домашних фрикаделек.

А она... она просто признала. Признала перед ними свою любовь к Арсению. Признала свою слабость и тоску. Признала их право любить отца. Она не стала винить их в предательстве, не стала настраивать против него, как это сделала бы её собственная мать. Она не испугалась своих чувств и не стала их прятать. Она поступила правильно. Мудро. По-взрослому.

И против такой женщины, против этой тихой, всепоглощающей, прощающей любви — у меня нет оружия. Никакого.

— Уверена, что вы вернётесь в Россию сами, — раздаётся рядом со мной насмешливый голос. — Уже через пару месяцев.

Я оборачиваюсь. Елена Ивановна медленно, с театральным изяществом, вытирает кончики тонких, сухих пальцев влажной салфеткой. Её взгляд, холодный и всевидящий, скользит по моему лицу, и в уголках её губ играет ядовитая усмешка.

Она торжествует. Она знает, что её план сработал.

Я сжимаю зубы так, что сводит скулы. Воздух с силой вырывается из моих ноздрей.

— Посмотрим, — глухо, с неподдельной угрозой, отвечаю я.

Она не понимает. Никто не понимает. Я не сдамся. Не сейчас.

Надо ускорить процесс с суррогатной матерью. Я должна отвлечь Арсения. От Павлика, от Аришки, от его мерзкой, манипулирующей матери и от его бывшей, слишком правильной жены.

Новым ребёнком. Маленьким, милым, беззащитным существом, которое будет безраздельно принадлежать нам. С розовыми щёчками, первой улыбкой, молочным запахом.

Может быть, даже хорошо, что они улетают. У меня будет больше простора для манёвра. Больше времени, чтобы завоевать сердце Арсения окончательно и бесповоротно.

Не будет этих вечных разговоров о детях, этих слёз, этого постоянного, незримого присутствия Полины в нашем доме, в наших разговорах, в его мыслях. Он будет только моим. Только моим.

Да, он будет скучать. Будут звонки, будут слёзы по ночам. Но я буду рядом. Я буду его утешением. Я подарю ему нового ребёнка. И тогда... тогда всё изменится.

Я все сделаю так, чтобы он стал реже звонить Аришке и Павлику. Я эту разлуку переиграю в своих интересах.

Я смотрю, как Арсений отпускает Аришку. Девочка, всхлипывая, возвращается к матери. Полина открывает объятия, и дочь прижимается к ней, как маленький, раненый зверёк. Опять ревет.

Арсений медленно выпрямляется. Его лицо — маска сдержанной боли. Он проводит рукой по волосам, и этот знакомый, нервный жест заставляет моё сердце сжаться от ревности. Он смотрит на них. На свою бывшую семью.

— Посмотрим, — кивает рядом Елена Ивановна и складывает грязную салфетку в аккуратный квадратик, а после прячет в карман легкого пальто.

А я уже представляю, как держу на руках ребёнка Арсения. Нашего ребёнка.

Елена Ивановна шагает к Арсению и громко недовольно говорит:

— Теперь немедленно обними мамочку! Я без объятий никуда не полечу. И мне ты тоже будешь звонить каждый день!

27

Я аккуратно складываю в стопку распечатки.

Бумага теплая, чуть шершавая под пальцами, пахнет свежей типографской краской.

Так, сегодня мне понадобится 36, 37, 38 страница из учебника по русскому языку. 49, 50 — из учебника по математике. И 13, 15 — из учебника по географии.

Я выравниваю листы, чтобы ни один уголок не топорщился, и сверху кладу две ручки: одну синюю, одну красную.

Мне пришлось распечатать все учебники Аришки. Храню я их в шкафу в моём кабинете на втором этаже.

Сверяюсь с часами на руке. Ещё пять минут есть. Опускаюсь в мягкое кожаное кресло.

Включаю планшет, ставлю его на подставку так, чтобы было видно меня.

И в кабинет без стука заглядывает Настя.

Она мило улыбается, но улыбка кажется натянутой.

— Я тебе какао принесла, — шепчет она, словно мы в библиотеке.

Бесшумно заходит, ставит на край стола, подальше от стопки учебников, высокую керамическую кружку с парящим над ней парком. Сладковатый, запах какао и зефирок смешивается с привычными ароматами кабинета.

Не уходит. Стоит, переминаясь с ноги на ногу, её руки теребят край длинного свитера цвета пыльной розы. Наверное, хочет тоже поздороваться с Аришкой.

Уже почти два месяца прошло, как улетели мои дети. Настя говорит, что тоже скучает.

— Через пять минут она должна позвонить, — поясняю я, глядя на Настю поверх экрана планшета.

Она неожиданно хмурится, виновато закусывает пухлую нижнюю губу и отводит взгляд. Её взгляд скользит по полкам, по книгам, куда угодно, только не на меня.

Я разворачиваюсь к ней вместе с креслом.

— Что случилось?

— Сегодня воскресенье, — тихо отвечает она, и в её голосе слышится немой укор.

Я медленно киваю.

— Да, всё верно. И в воскресенье, в три часа дня, мы с Ариной делаем уроки на понедельник.

— Знаешь, я подумала, что ты шутил, когда обещал Аришке, что будешь с ней даже уроки делать, — Настя несмело смотрит на меня наконец, и её пальцы снова начинают свой нервный танец на свитере.

Она растрёпана, и её светлые локоны, обычно лежащие идеальными волнами, теперь очаровательно-небрежно обрамляют её печальное лицо. Но сейчас мне не до умиления. Я чувствую в Насте напряжение, и оно меня беспокоит, царапает изнутри нехорошим предчувствием.

— Нет, — отвечаю я тихо, но так, чтобы каждое слово прозвучало чётко и неоспоримо. — Я не шутил. Все обещания, которые я дал моим детям, я сдержу.

— Но, Арс... — Настя делает шаг ко мне, хмурится. — Сегодня же воскресенье. Мы бы могли этот день провести... вместе. Отдохнуть, погулять. В парк съездить...

Она кусает свои пухлые, накрашенные блеском губы и вновь отводит взгляд.

— Извини, я говорю глупости, — она отворачивается, когда я тяну к ней руку, и торопливо, почти бесшумно, уходит, закрывая дверь моего кабинета с тихим, но осуждающим щелчком.

Я на секунду закрываю глаза и выдыхаю. Настя на меня обиделась. И, может быть, у неё действительно есть причина для ревности, но разве могу я отменить уроки с Аришкой?

На планшете раздаётся милая, тихая мелодия — колыбельная, которую Арина сама себе выбрала на звонок.

Экран вспыхивает, и на нём — её фотография. Она в венке из одуванчиков, улыбается во весь рот.

Я нажимаю на зелёную иконку. Принятие звонка.

И я вижу её. Она сидит за знакомым кухонным столом, в нашем — Полинином — доме. Кончик карандаша задумчиво постукивает по её виску. Она шмыгает носом и перелистывает страницу учебника.

Поднимает на камеру взгляд. Глаза, точь-в-точь Полинины, — серьёзные, чуть уставшие.

— Начнём с математики, — говорит она без предисловий.

— Хорошо, — я улыбаюсь, широко и неестественно. Подхватываю синюю ручку. — Начнём с математики.

— Со второго упражнения, — поясняет Аришка, и её взгляд снова прикован к учебнику.

Она жуёт губу, вновь чешет карандашом висок и тяжело, по-взрослому, вздыхает.

За её спиной слышу лёгкие шаги, голос моей мамы. И затем в кадре появляется сама она.

Наклоняется к камере, и на её губах — лёгкая, почти неуловимая улыбка. Она ставит рядом с Ариной тарелку с нарезанными яблоками и апельсинами.

— Привет, сыночек, — тихо говорит она.

Я в приветствии киваю, машинально подхватываю кружку и делаю глоток какао. Оно уже остыло, сладковатая гуща неприятно липнет к нёбу.

Мама исчезает из кадра, и я спрашиваю:

— Сегодня бабушка у вас?

Арина что-то сосредоточенно выводит в тетради, не глядя на меня.

— Да. Бабуля сегодня присматривает за нами. А у мамы... сегодня свидание, — задумчиво поясняет она. — С каким-то дядей Русланом. — Она хмурится, откладывает карандаш. — Говорит, что это деловая встреча, — поднимает на меня взгляд и по-детски пожимает плечами, — но мама каблучки надела. Значит, свидание.

28

Зеваю, с силой потягиваюсь, чувствуя, как ноют мышцы спины. Собираю волосы в небрежный, низкий пучок, из которого тут же выскальзывают тонкие прядки и лезут в лицо. Поправляю на груди мягкую, поношенную футболку — в ней очень удобно.

Как раз для беседы с Арсением.

Подхватываю кружку с остывшим кофе и подхожу к столу.

На столе — раскрытый ноутбук, а рядом, в лучах утреннего солнца, лежит моя записная книжка в клеточку.

На ее страницах, выведенные моим нервным почерком, — основные моменты вчерашнего родительского собрания.

Лично для Арсения. Кое-какие вопросы мне придется с ним сегодня обсудить. Например, очередную драку Павлика.

Я подозреваю, что наш сын начал устраивать драки с одной-единственной целью — чтобы мы с Арсением почаще созванивались и почаще лично обсуждали, каким непослушным он стал.

Детские манипуляции полезли.

У Аришки тоже нарисовались проблемы в классе. Она достает учительницу английского языка и не дает ей нормально вести урок. Наша дочь слишком упряма для своих лет и, проведя несколько месяцев в Лондоне, теперь постоянно поправляет преподавателя, и даже сама рвется учить своих одноклассников. Доводит бедную женщину до слез.

Отодвигаю стул с громким скрипом и опускаюсь на него. В эту же секунду экран ноутбука вспыхивает.

Арсений, как всегда, пунктуален. Договорились созвониться в одиннадцать, и он звонит ровно в одиннадцать.

Сердце в груди отбивает один сильный, глухой удар, но затем возвращает свой ровный, привычный ритм.

К звонкам Арсения я стала относиться намного спокойнее, чем в первые недели после их отъезда. Почти не волнуюсь. Почти.

Пальцы сами находят кнопку, и я принимаю звонок. На экране появляется его лицо. Он одет в белую рубашку, на шее затянут строгий серый галстук. За его плечами — панорамные окна его лондонского офиса и привычное пасмурное, тяжелое небо.

— Привет, — он улыбается, но улыбка кажется деловой, отстраненной.

Я в ответ просто киваю. Делаю глоток кофе и разочарованно вздыхаю. У меня никак не получается сварить тот самый кофе, который всегда согревал меня в прошлом, когда я была замужем за Арсением.

В моей кружке — просто горькая коричневая вода, без души, без его волшебства. Я уже почти смирилась и всерьез подумываю перейти на крепкий чай.

— Ну что, обрадуешь меня? — Арсений улыбается шире, в его глазах мелькает знакомая искорка. — Скажешь, что на родительском собрании наших деток хвалили и нами, как родителями, восхищались? Каких мы прекрасных детей воспитали, всем на зависть?

Я качаю головой. Отставляю чашку с противной жижей в сторону.

— Увы, нет.

— Ну, тогда рассказывай, — он откидывается в кожаном кресле, складывает ладони на животе. Весь его вид — терпение и готовность к работе. — Я готов принимать свое отцовское фиаско.

— Если коротко, то Павлик на прошлой неделе опять подрался, а Аришка довела учительницу английского до слез, — начинаю я, подпирая лицо руками. Голос звучит устало.

Я рассказываю ему все, что вчера выслушала от учителей и классных руководителей. Про кулаки Павлика, его упрямое молчание и злость. Про едкие замечания Арины, ее высокомерие и нежелание признавать авторитеты.

Арсений слушает, хмурясь, изредка кивает. Его взгляд становится все тяжелее, все мрачнее. Когда я заканчиваю, в эфире повисает тишина.

— Я подумаю, — наконец тихо и сурово говорит он. — Я подумаю над тем, как мне поговорить с Павликом насчет его драк. А про Аришку... — он проводит рукой по подбородку. — Может, в школе действительно поменять учителя английского?

— Может быть, — я с горькой усмешкой убираю выбившийся локон за ухо. — Или стоит отправить Аришку к какому-нибудь сильному репетитору, носителю языка?

— Может быть, — соглашается Арсений.

Между нами снова натягивается тишина. Неловкая. Я уже собираюсь произнести слова прощания, ведь я выполнила свою обязанность: доложила о ситуации, но Арсений мешает моим планам.

Он неожиданно спрашивает, и его голос теряет деловую окраску, становится мягче, глубже:

— А ты сама как? Что у тебя нового?

Он не сводит пристального взгляда с камеры. Его темные глаза, такие знакомые, будто просверливают экран, достигая меня сквозь тысячи километров. Я чувствую, как под этим взглядом по телу разливается тепло, а потом — ледяная дрожь.

Яжимаю плечами, отводя взгляд в сторону, на солнечный зайчик, прыгающий по столешнице.

— Да ничего нового. Все по-прежнему.

— Не скромничай, — он начинает раскачиваться в кресле, и уголки его губ подрагивают в подобии улыбки. — Меня Аришка тебя сдала. В прошлое воскресенье. Сказала, что ты была на свидании.

Я замираю. Воздух выходит из легких одним резким, беззвучным выдохом. Кончики пальцев немеют, будто от приступа паники, а затем по шее к щекам поднимается жар.

Я чувствую, как краснею, как предательский румянец заливает все лицо. Арсений сейчас будто не в Англии сидит, а тут, прямо напротив, за этим же столом, и видит все — и мое замешательство, и мою глупое, нелепое смущение.

— Рассказывай, — Арсений прищуривается, и его улыбка становится шире, но в ней нет тепла. Только лишь вопрос. — Кто?

— Я бы не сказала, что это было прямо свидание-свидание, — я неловко улыбаюсь, чувствуя, как губы плохо слушаются. — Мы просто... кое-что обсудили.

— Кое-что? — он поднимает бровь.

— Его зовут Руслан, он налоговый консультант, — выдыхаю я, сдаваясь под тяжестью его взгляда. — Мы с ним познакомились в налоговой. Он решал какие-то свои личные вопросы... Я запаниковала, не могла найти нужный кабинет, добиться ответов, а он... он помог мне решить некоторые проблемы с инспекторами, а после мы договорились о встрече... он мне помог с декларациями...

Я замолкаю, понимая, что лгу. Встреча с Русланом не была консультацией и никаких деклараций между нами не было.

Мы сидели в тихом кафе, много болтали, он рассказывал о своей любви к горным лыжам, а я — о том, как сложно бывает одной вести бизнес.

Мы пили горячий ягодный чай, и он смотрел на меня так заинтересованно, с вызовом и мужским восхищением. На меня давно так не смотрели.

И сегодня у меня с ним настоящее свидание. Ужин в ресторане. И я до смерти этого боюсь и жду одновременно.

— Да, декларации.... — продолжаю я почему-то врать, глотая воздух, — он меня проконсультировал про новые налоговые ставки....

— Поля, — голос Арсения заставляет меня вздрогнуть. Он перестал раскачиваться в кресле. Его лицо снова стало строгим, почти каменным. — Я же тебе оставил все контакты моих юристов. Моих людей, которые бы помогли тебе и с налогами, и с чем угодно. С самим Сатаной помогли бы...

В его голосе нет злости. Есть что-то другое. Раздражение? Досада? Или... ревность?

— Я хотела справиться сама в этот раз, — слабо улыбаюсь я, — но со мной случился Руслан. Я сама не поняла, как он все сам все решил с этим противными инспекторами.

29

— Я не знала, что налоговый консультант ещё и неплохо справляется с сантехникой, — говорю я и смеюсь.

— Да, я полон сюрпризов, — отзывается Руслан из-под тумбы с раковиной. — Ты впечатлена?

— Ещё бы.

Его голос немного приглушен, но в нем слышны знакомые мне нотки спокойной уверенности. Он кладет гаечный ключ на пол с глухим стуком.

— А ну-ка, включи воду, — сдавленно приказывает он.

Я подчиняюсь, протягиваю руку к крану. Сжимаю холодную хромированную ручку. Поворачиваю. Вода с шумом бьет по эмалированной поверхности раковины, и я замираю, прислушиваясь.

Через пару секунд Руслан удовлетворённо хмыкает.

— Всё. Не подтекает. Я справился на пять с плюсом. Может, мне стоило идти в сантехники.

Он выныривает из-под раковины, чуть потирая затекшую шею, и поднимается на ноги. Я протягиваю ему чистое вафельное полотенце, пахнущее свежестью и стиральным порошком.

— Один момент, — говорит он, тщательно моет руки под струей воды, а затем выхватывает полотенце из моих слегка дрожащих пальцев.

Смотрю на него, пока он вытирает широкие ладони.

Руслан — крепкий мужичок среднего роста, ему сорок пять, и для своих лет он выглядит очень неплохо.

В коротко стриженных тёмных волосах очень мало седины. Лицо не обрюзгло, шея не провисает, лишнего веса не наблюдается.

Он, конечно, не красавец с обложки, но у него очень добрые карие глаза и приятная, мягкая улыбка.

Я бы назвала его уютным мужчиной. Именно так. В нём нет агрессивной привлекательности, хищной опасности, но он располагает к себе иначе.

Привлекает женское внимание спокойной силой. Он мягкий, обходительный, но в то же время очень уверенный в себе. Ему не надо для своего авторитета размахивать кулаками, поднимать голос или демонстрировать мужскую агрессию. Там, где другие самцы будут кидаться в драку, он сможет договориться словами. Без лишних угроз.

И рядом с ним мне спокойно. Как под тёплым пледом в промозглый вечер.

— Раз уж я здесь, то, может быть, есть ещё что-то, что нужно починить? — спрашивает он.

Он разведён уже пять лет. Сказал, что они с женой разошлись тихо и мирно. Просто разлюбили друг друга.

Первая жена три года назад вышла замуж. Старший сын женился и готовится стать отцом, а младший учится на втором курсе экономического факультета.

Он рассказывал мне это за ужином в прошлый раз, и в его голосе не было горечи, лишь лёгкая, принятая грусть.

— Слушай, а сможешь починить дверцу шкафа? — спрашиваю я, опираясь ладонями о холодную столешницу.

— Смогу, — кивает Руслан. — А где этот шкаф?

— У сына в комнате, — вздыхаю я. — Вчера опять, видимо, психанул, пнул шкаф, и там дверца покосилась. Надо чинить. Я хотела вызвать плотника... Ну, раз уж ты здесь... — я улыбаюсь и пытаюсь сыграть кокетство, — то этим займёшься ты.

С детьми Руслана я ещё не знакома, но чувствую — мой кавалер скоро предложит познакомиться с сыновьями. Это будет наш следующий этап в наших странных, неторопливых отношениях, в которых мы ещё даже не целовались.

Но каждую среду мы ходим на ужины, гуляем по вечерам в четверг и созваниваемся по утрам с пожеланиями доброго дня.

И вот сегодня, когда Руслан позвонил, я между делом, смущаясь, пожаловалась, что у меня протекает сифон под раковиной на кухне. И Руслан приехал. Без лишних слов.

Конечно, я могла вызвать мастера, но то, что Руслан взял и сорвался с работы, чтобы починить мне сифон... меня смутило, растрогало и обрадовало.

Наверное, я его сегодня поцелую. Пора уже. А то как-то странно: ходить на свидания, смеяться, часами разговаривать, краснеть... но дальше объятий не заходить.

— Веди меня, хозяйка, — Руслан деловито закидывает полотенце на плечо.

Я киваю, разворачиваюсь на носочках и торопливо выхожу из кухни. Иду через гостиную, залитую мягким солнечным светом, и вот мы выходим в холл, к подножию лестницы на второй этаж. Я резко останавливаюсь.

Сердце замирает, а потом начинает биться с новой, бешеной силой. Почему бы не поцеловать Руслана именно сейчас? Поблагодарить его за сифон, воодушевить на ремонт шкафа? Сделать ещё один маленький, но такой важный шаг. Шаг к свободе. К жизни без Арсения.

— Полина? — недоумённо называет он моё имя.

Я медленно разворачиваюсь к нему. В глазах у него вопрос, но нет тревоги. Лишь спокойное ожидание.

Я делаю к нему шаг, сокращая дистанцию. Вот я уже стою к нему вплотную. Чувствую тепло, исходящее от его тела, запах мыла с его рук и лёгкий, едва уловимый аромат его одеколона — что-то свежее, фужерное. без резких ноток перца и древесной смолы. Спокойный уверенный парфюм.

Вижу, как его зрачки расширяются. Он шепчет:

— Неужели ты решила меня выгнать?

Я качаю головой.

Он шумно выдыхает. Да, надо целовать. Надеюсь, не разучилась.

— Ты сейчас такая красивая, — хрипло произносит он.

Он поднимает руку, его тёплая, чуть шершавая ладонь касается моей щеки. Большая, сильная рука. Он поддаётся в мою сторону, и я закрываю глаза. Вот оно. Свобода. Забвение. Новая жизнь.

Когда между нашими губами остаётся всего несколько миллиметров, с грохотом распадается входная дверь.

— Мама! Мама, мама, смотри, кого я привела!

Голос Аришки, звонкий, счастливый, пронзает тишину холла, как нож.

Затем — резкая, оглушающая тишина.

Я медленно, будто в тяжёлом сновидении, поворачиваю лицо к дочери. Рука Руслана всё ещё на моей щеке.

А за Аришкой, в проёме распахнутой двери, замер мрачный Арсений. Будто призрак из прошлого.

Он стоит, заслонив собой серый свет с улицы, в своём идеальном тёмном пальто.

— Привет, Поля, — говорит он, и его бархатный голосзаставляет меня вздрогнуть. — Сюрприз.

30

Я сижу в кресле и пытаюсь дышать ровно.

— Я просто хотел сделать сюрприз, — вздыхает Арсений и делает глоток воды из высокого стакана, который я ему подала подала ему несколько минут назад.

Он пожимает плечами, и этот жест, такой знакомый и такой чужой:

— Просто в один момент решил сорваться, прилетел. — Поясняет он, ставя стакан со глухим стуком на стеклянную столешницу журнального столика. — Вещи оставил пока в отеле и поехал за Аришкой.

— Я так обрадовалась, — говорит Аришка, округлив глаза, и прижимается к его плечу, как птеник. — Что даже испугалась, что могу умереть. От радости!

Они сидят на том диване, на котором мы когда-то все вместе смотрели дурацкие мультики.

Рядом со мной, в соседнем кресле, сидит молчаливый и насторожённый Руслан.

— Да, сюрприз удался, — я пытаюсь улыбнуться.

— Чуть позже поеду за Павликом, — Арсений тоже пытается улыбнуться в ответ, но у него выходит какая-то натянутая, жуткая гримаса. Он не смотрит на меня, его взгляд скользит по комнате — по моим книгам на полке

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.